

Андрей Кононов

ПАРОМ



Андрей Кононов

Паром

«Автор»

2026

Кононов А.

Паром / А. Кононов — «Автор», 2026

Семейная хроника поволжских немцев, растянувшаяся на десятилетия и тысячи верст. От мирных поволжских деревень середины XIX века до грохота орудий Порт-Артура и катастрофы 1917 года. Это история русского офицера немецкой крови, чья жизнь прошла в походах и на полях сражений. Служа верой и правдой новой родине, он потеряет её вместе с крушением империи. Когда рушится страна и распадается армия, крестный путь семьи замыкается там же, где начинался — в заграничном изгнании.

© Кононов А., 2026

© Автор, 2026

Андрей Кононов

Паром

Паром

Утро было многообещающим. Прохлада струилась из приоткрытого окна. Она проникала вглубь вместе с ароматами благоухающих цветов. Чувствовалось, что день будет жаркий, но сейчас в эти утренние часы было ощущение рая. Каким его, конечно, можно себе представить.

Умывшись, пришлось потратить некоторое время на обдумывание завтрака, но ничего лучшего, чем дежурная яичница с беконом, не придумалось. Покончив с утренним ритуалом, я спустился в гараж и решительно поменял полумрак, царящий там, на яркий солнечный день, требовательно стучащийся в ветровое стекло.

Ехать было недалеко — до ближайшего магазина, где надо было закупить провизию с учетом сегодняшнего вечернего мероприятия. Ничего необычного — просто субботне-вечернее барбекю с разминкой в бассейне. Ехать было и правда минут 10. Но это если по обычной дороге. Мне вдруг вспомнился другой маршрут, которым я ехал всего один раз и к тому же давным-давно. Дело в том, что в любом варианте надо было пересечь маленькую реку и по обычной дороге это делалось с помощью моста, а вот другой вариант предлагал пересечь речку на пароме. Паром был мизерный — на 2-3 машины, не автоматизированный, то есть с паромщиком и ручной тягой. Стоил суициде гроши. И вот сегодня, расслабленный этим замечательным утром, я решил попробовать найти тот паром. Да и существует ли он ещё?

Оказалось, существует и пользуется спросом. Пришлось простоять в очереди, ожидая два «заплыва». И вот мы на качающейся палубе. Солнце, легкий ветерок, речушка прячется под ветвями деревьев, создающих тень, что и понятно — ширина этой «водной глади» всего то несколько метров.

Вот и другой берег. Швартовка, небольшое ожидание. И странное дело — вместо яркого солнечного дня мы оказываемся в плотном и почти совсем непрозрачном тумане! Почти наощупь съезжаю на берег. Впереди идущая машина куда-то исчезла. Останавливаюсь, от греха подальше, выхожу из машины. Делаю осторожный шаг вперед, чувствуя, как под ногами хрустит влажный гравий. Туман плотный, словно живая стена, но постепенно редет, обнажая смутные очертания улиц. Я ожидал увидеть знакомый берег, возможно, пару домиков, но вместо этого передо мной открывалась картина, которой не могло быть.

Дома стояли в странном порядке: будто кто-то взял куски разных эпох и сложил их вместе. Слева — массивное здание с арочными окнами, напоминающее купеческий особняк позапрошлого века. Чуть дальше — облупленный фасад советской пятиэтажки, а за ним деревянные избы с узорными наличниками, как на старых фотографиях. Над всем этим висела застывшая тишина.

Люди. Они были повсюду. На крыльце дома, у колодца, просто на мостовой. Стояли или неспешно двигались, но казалось, что они не живые, а лишь образы, запечатлённые в застывшем времени. Их одежда была разная — кто-то в длинном сюртуке и старомодной шляпе, кто-то в простом деревенском сарафане, а кто-то и вовсе в знакомом полинялом свитере.

Во рту пересохло, утренней неги не осталось совсем. Холодок пробежал по спине. Я не знал этих людей, но странным образом ощущал их близость. Среди них были те, кого я помнил, и те, чьи лица почему-то отзывались эхом в моем сознании, хотя я был совершенно уверен, что никогда их не встречал.

Туман окончательно рассеялся, и этот странный город открылся передо мной во всей своей странной, застывшей красоте.

Я не сразу понял, что именно меня тревожит.

Дома были разные. Люди тоже. Но не это.

Не было ни одной машины. Ни звука двигателя. Ни хлопнувшей дверцы. Ни далекого гула дороги, к которому человек настолько привыкает, что перестает его замечать. Стояла тишина, не мертвая, а обычная городская тишина раннего утра. Только почему-то без машин.

Я машинально обернулся.

Паром еще не успел далеко отойти. Паромищик неторопливо сматывал канат, словно выполнял привычную работу уже много лет. Я поднял руку.

— Эй!

Он никак не отреагировал.

— Эй! Подождите!

Паром медленно удалялся, и мне вдруг показалось, что он становится все менее отчетливым. Не быстрее, а именно менее отчетливым, словно растворялся в утреннем воздухе.

«Ладно, — сказал я себе. — Значит, есть другая дорога».

Эта мысль успокоила.

Я снова повернулся к городу.

Теперь я заметил людей. Их было немного. Пожилая женщина закрывала ставни второго этажа. Мальчишка катил по улице деревянный обруч. Мужчина в темном костюме остановился у витрины книжной лавки.

Никто не смотрел на меня. Именно это оказалось самым странным. В любом незнакомом месте появление чужого человека вызывает хотя бы любопытство. Здесь — ничего. Будто я существовал в этом городе всегда.

Я сделал несколько шагов по улице.

За спиной негромко прозвучал спокойный мужской голос:

— Простите... вы, кажется, впервые здесь?

Я не ответил незнакомцу сразу. Не потому, что испугался. Просто вопрос прозвучал так буднично, словно человек поинтересовался, который час.

— Да... наверное, впервые.

Мужчина кивнул, будто услышал именно то, что ожидал услышать.

— Это всегда заметно.

Он сказал это без улыбки, но и без тени превосходства. Так разговаривают с приезжим, который впервые оказался в незнакомом месте.

— Простите, а как называется этот город?

На этот раз он посмотрел на меня с искренним удивлением.

— Никак.

— В смысле?

— Никак. Мы никогда его не называли. Когда живешь в одном месте, название не очень нужно.

Ответ был настолько нелепым, что я даже не нашелся, что сказать.

Мужчина снял шляпу.

— Прошу простить. Совсем забыл представиться.

Он назвал свое имя. Я машинально повторил его про себя и через секунду понял, что уже не могу вспомнить ни единого звука. Словно память аккуратно стерла только что услышанное. Это произошло впервые за сегодняшний день, и именно тогда мне стало по-настоящему не по себе.

— Вы плохо себя чувствуете? — спросил он.

— Нет... Просто странное утро.

— Здесь у многих первое утро бывает странным.

Он произнес это так спокойно, что я опять не понял, что именно в его словах должно было насторожить.

Я пошел наугад.

В любом незнакомом городе сначала ищешь не достопримечательности, а что-нибудь понятное. Площадь. Почту. Полицейский участок. Любой ориентир, за который можно зацепиться.

Улица плавно вывела меня к небольшой площади. Посередине журчал фонтан. Самый обыкновенный. Вода стекала по потемневшему камню, и двое мальчишек, усевшись на бортик, спорили о чем-то с таким жаром, будто от этого зависела судьба мира.

— Не мог он туда попасть! — сердился один.

— Мог. Просто ты плохо помнишь, — лениво возражал второй.

Они говорили так естественно, что я невольно улыбнулся. Если это сон, то он обладал удивительным чувством бытовых подробностей.

На площади пахло свежим хлебом. Из открытой двери булочной выходили люди с бумажными пакетами. Один мужчина на ходу отломил горбушку, как делают тысячи людей по дороге домой. Я вдруг поймал себя на нелепой мысли: если здесь пекут хлеб, значит, кто-то встает затемно, разводит печь, месит тесто. Даже в самом странном месте на свете кто-то должен просыпаться раньше других. От этой мысли стало легче.

Я искал глазами вывеску с названием улицы. Она была. Но на эмалированной табличке значилось только одно слово: «Главная».

Без названия города. Без района. Без номера квартала. Просто «Главная».

Я усмехнулся.

— Очень смешно...

— Что именно?

Я вздрогнул. Рядом стоял тот самый мужчина. Казалось, он вовсе не следовал за мной. Скорее мы снова случайно встретились. Сейчас я внимательнее пригляделся к незнакомцу. Одет он был странно, я бы предположил, что он отбился от какого-то фольклорного ансамбля. Короткие, до колен кожаные штаны, однобортная жилетка поверх белой рубахи. И венчала это убранство широкополая черная шляпа. Из под шляпы выглядывала густая черная с проседью борода.

Видимо я слишком внимательно и нахально глазел на него, поэтому он, как бы снизойдя к моему любопытству, сказал:

— Я из Поволжских немцев, слыхали о таких?

И не дожидаясь ответа продолжил:

— Иоганн Шмидт!

Глава первая

Северная Германия. Зима 1848/49 года.

Повозка опрокинулась с таким треском, что Иоганн сперва решил: у дороги рухнула старая ива.

Потом закричала женщина.

Он бросил охапку дров возле сарая и выбежал за ворота. На повороте, где дорога шла вдоль замёрзшего ручья, лежала на боку повозка Бауэра. Одно колесо торчало вверх и ещё медленно вращалось. Второе провалилось у самого берега; под ободом темнела вода, а лёд вокруг расходился белыми ломкими полосами. Лошадь билась в постромах, пыталась подняться и снова падала на передние колени. Оглобля прижала её к земле.

— Фридрих! Карл! — крикнул Иоганн, уже сбегая с дороги.

Сыновья выскочили следом, не успев надеть тулупы. За ними появился Адольф, а в воротах остались Генрих и Вильгельм. Анна крикнула младшим, чтобы не смели приближаться к ручью, и сама побежала к повозке, подбирая юбку над снегом.

Бауэр стоял по колено в рыхлой каше у берега и тянул лошадь за узду. Лицо у него было в снегу, из рассечённой губы текла кровь.

— Марта с девочкой? — спросил Иоганн.

Бауэр мотнул головой в сторону кустов. Его жена сидела в снегу, прижав к себе дочь. Девочка плакала без голоса, только широко открывала рот. Подол её платья потемнел от воды.

— В дом их, — сказал Иоганн Анне. — Скорее.

— Сама вижу.

Анна наклонилась к Марте, помогла ей подняться и почти силой отняла ребёнка. Девочка была лёгкая, но мокрая одежда тянула вниз. Анна прижала её к себе, закрыла полый платок и пошла к дому. Марта, пошатываясь, двинулась рядом.

Лошадь снова дёрнулась. Ремень на груди натянулся так, что кожа закрипела. Оглобля ударила о лёд.

— Перестань тянуть! — крикнул Иоганн Бауэру. — Задушишь её.

— Она ногу сломает.

— Если уже не сломала.

Иоганн опустился возле лошади. Та косила на него белым глазом, хрипела и била задними ногами. Подойти к пряжке мешала оглобля; чтобы приподнять её, требовалось сперва разгрузить повозку.

— Фридрих, тащи жердь от нашей изгороди. Самую толстую. Карл, снимай мешки. Только со стороны дороги.

Фридрих побежал, не спрашивая зачем. Карл ухватился за первый мешок, свесившийся с опрокинутого борта. Мешок оказался тяжелее, чем он ожидал. Карл потянул его на себя, поскользнулся и сел в снег, удержав груз на груди.

— Не всё сразу, — сказал Иоганн.

— Я и не всё.

— Тогда тебе особенно повезло.

Карл сердито спихнул мешок в сторону и полез за следующим. Бауэр попытался помочь, но Иоганн остановил его:

— Держи голову. Не дай ей перевернуться.

Вернулся Фридрих, волоча жердь. Один конец цеплялся за снег и оставлял глубокую борозду. Они втроём подсунули жердь под оглоблю. Иоганн навалился плечом. Дерево подалось едва заметно, зато лошадь почувствовала движение и забилась ещё сильнее.

— Стой! — крикнул Бауэр, будто она могла его понять.

Копыто ударило рядом с рукой Иоганна. Он отшатнулся.

— Ремень надо снять, — сказал Фридрих.

— До пряжки не достать.

Адольф всё это время стоял с другой стороны повозки и смотрел под неё. Между накрепившимся кузовом и лошадью оставалась узкая щель. Взрослому там было не пройти.

— Я достану.

Иоганн резко повернулся:

— Куда?

— Пряжка с моей стороны.

— Там копыта.

— Я вижу.

— Значит, стой где стоишь.

Адольф присел и всё-таки полез под оглоблю.

— Адольф!

Он уже лежал на животе, вжимаясь в снег. Куртка задралась на спине, шапка свалилась. Лошадь дёрнула ногой; мальчик замер, прикрыв голову локтем. Копыто скользнуло по льду и ударило в деревянный борт.

— Назад! — крикнул Иоганн.

— Сейчас.

— Я сказал — назад.

— Ремень затянуло.

Голос у Адольфа дрогнул, но он пополз дальше. Иоганн выругался вполголоса и навалился на жердь всем весом.

— Фридрих, сюда. Карл, мешки потом — держи оглоблю. Бауэр, прижми ей голову к снегу.

Дерево поднялось на несколько дюймов. Адольф просунул руку к пряжке. Пальцы скользили по мокрой коже. Он потянул язычок, не справился, перехватил ремень обеими руками. Лошадь рванулась. Что-то металлическое ударило его по кисти.

Адольф вскрикнул и отдёрнул руку.

— Вылезай!

Вместо ответа он снова ухватился за пряжку. На этот раз ремень поддался. Конец выскочил из петли, хлестнул по снегу, и лошадь разом получила свободу. Она дёрнула передними ногами, перевалилась на бок и попыталась встать.

— Теперь назад! Быстро!

Адольф выкатился из-под оглобли. Иоганн схватил его за ворот и оттащил к дороге. В ту же секунду лошадь поднялась. Одна постромка ещё волочилась за ней; Бауэр повис на узде, успокаивая животное.

Иоганн опустил рядом с сыном.

— Руку покажи.

— Потом.

— Сейчас.

— Целая.

Адольф спрятал кисть за спину и поднялся. На лице у него смешались страх, злость и стыд за то, что отец заметил страх. Иоганн уже открыл рот, но Бауэр позвал от повозки:

— Иоганн, лёд идёт!

Трещина под колесом стала шире. Вода медленно заливала след от обода. Если повозка сползёт ещё на пол-локтя, вытаскивать её придётся из ручья.

— Потом разберёмся, — сказал Иоганн сыну. — Фридрих, за второй жердью. Карл, не тащи мешки куда попало. Складывай у обочины. Адольф, в дом.

— Я могу помочь.

— С одной рукой?

— Она целая.

— Тем более покажешь матери, пока не перестала быть целой.

Адольф остался стоять. Иоганн посмотрел на него, затем на уходящую под воду повозку.

— Держи лошадь. Подальше от задних ног.

Этого оказалось достаточно. Адольф взял повод и отвёл животное к дороге.

В доме Анна уже стянула с девочки мокрые чулки и поставила её ногами на сложенное возле печи шерстяное одеяло. Марта сидела на лавке, завернувшись в платок Анны. Её трясло. На полу растекалась вода, таял занесённый сапогами снег. Генрих принёс поленья, Вильгельм пытался подвинуть к печи тяжёлую скамью и только мешал брату.

— Оставь, — сказала Анна. — Лучше принеси сухую рубаху. Ту, что возле сундука. И не стой на дороге.

Вильгельм убежал. Генрих открыл заслонку, подбросил в печь дров и раздул угли. Пламя поднялось, в комнате запахло горячей смолистой корой. К запаху дыма примешивались мокрая шерсть, лошадиный пот, сырость чужой одежды.

Анна растирала девочке ступни полотном. Кожа была белой и холодной.

— Болит? — спросила она.

Девочка кивнула.

— Хорошо. Значит, чувствуешь.

— Повозка... — начала Марта.

— Повозку поднимут.

— Там мука.

— Мука подождёт.

Анна подошла к окну. Стекло запотело; она протёрла его краем рукава. У ручья двигались тёмные фигуры. Иоганн стоял по колено в снегу и командовал сыновьями, словно вытаскивал повозки из воды каждую неделю. В какой-то момент он лёг плечом на жердь, и Анна стиснула губы.

— Под колёса его когда-нибудь затянет, — сказала она.

Марта посмотрела на неё испуганно.

— Если бы он не пришёл...

— Я знаю.

Анна ещё раз вытерла стекло, хотя оно почти сразу снова затянулось паром.

Повозку подняли не сразу. Сначала выгрузили оставшиеся мешки, потом подложили под провалившееся колесо жерди и доски, которые Генрих с Вильгельмом притащили от сарая. Бауэр запряг лошадь заново. Та прихрамывала, но нога оказалась цела. Когда колесо наконец вышло на твёрдый снег, Карл закричал так, будто в одиночку одолел и повозку, и ручей.

— Ещё громче, — сказал Иоганн. — В соседней деревне пока не знают.

Фридрих засмеялся. Карл посмотрел на отца, потом тоже не выдержал.

Домой они вернулись мокрые, красные от холода и усталые. Анна встретила их в дверях и сразу увидела руку Адольфа. Кисть распухла, кожа возле большого пальца была содрана.

— Целая? — спросила она.

Адольф бросил быстрый взгляд на отца.

— Целая.

— Тогда будет особенно легко держать её над тазом.

Она усадила его возле стола, смыла кровь тёплой водой и стала перевязывать. Адольф морщился и старался смотреть в сторону.

— Я сам могу.

— Вижу, как ты можешь.

— Там ремень затянуло.

— И поэтому надо было сунуть руку под копыта?

— Иначе лошадь бы...

— Тише сиди. Мне не лошадь перевязывать.

Иоганн снял промокший тулуп и повесил ближе к печи. Анна даже не посмотрела на него.

— А ты, — сказала она, закрепляя повязку, — мог найти кого-нибудь поменьше собственного сына?

— Я его не посылал.

— Это меня очень утешает.

Бауэр хрипло рассмеялся. Рассечённая губа тут же заболела, он прижал к ней пальцы.

— Не смейся, — сказала Марта. — На себя посмотри.

За столом стало тесно. Анна поставила капусту, нарезала хлеб, принесла кружки с горячим молоком. Бауэры собирались уйти сразу, но девочка ещё дрожала, а одежда возле печи оставалась влажной. Пришлось ждать.

Каждый рассказывал происшествие по-своему. Карл утверждал, что повозка пошла вверх только после того, как он подставил плечо под борт. Фридрих напомнил, что в это время Карл держал жердь с другого конца. Вильгельм уверял, будто слышал треск льда раньше всех, хотя не выходил за ворота. Генрих сказал, что от его досок было больше пользы, чем от криков обоих братьев.

— Я хотя бы не бегал с одной доской туда и обратно, — возразил Карл.

— Потому что тебе не доверили доску.

— Мне доверили повозку.

— Повозка об этом не знала.

Иоганн откинулся к стене и засмеялся. Напряжение, которое всё ещё держало плечи, отпустило. Карл хотел обидеться, но Бауэр поднял кружку:

— За человека, который один поднял мою повозку.

Теперь засмеялись все, даже Анна. Адольф тоже улыбнулся, хотя продолжал держать перевязанную руку на коленях, чтобы её не задела.

— Смейтесь, — сказал Карл. — Весной сами увидите, кто умеет грузить телеги.

— Весной? — переспросил Иоганн.

Бауэр перестал улыбаться. Он провёл пальцем по краю кружки.

— Крюгеры собираются уезжать. И Гофманы, кажется, тоже.

— Куда?

— В Россию. Крюгер уже договаривается насчёт скота. Сегодня от него и ехал.

В комнате ещё пахло мокрой одеждой, на полу темнели следы сапог, дети тянулись через стол за хлебом. Но разговор изменился. Анна поставила нож рядом с доской и посмотрела на мужа.

— Давно решили? — спросил Иоганн.

— Крюгер говорит, что решил. Его жена говорит иначе. Значит, пока как у всех.

— А Гофманы?

— Письмо получили от родни. Собираются к пастору завтра.

Бауэр говорил буднично, будто речь шла о весеннем севе. Потом взглянул на лежавшую у печи одежду дочери и добавил:

— Я тоже пойду послушаю.

Больше эту тему при детях не продолжали. Когда платье девочки подсохло, Анна помогла ей одеться. Бауэр оставил повозку во дворе Шмидтов: треснувший борт нужно было чинить, а в темноте тащить её дальше не имело смысла. Он посадил дочь на лошадь, Марта пошла рядом.

У ворот Бауэр задержался.

— Спасибо, Иоганн.

— Завтра заберёшь мешки.

— Я не о мешках.

Иоганн кивнул. Они пожали друг другу руки, и Бауэр повёл лошадь по дороге.

Дом снова наполнялся привычной тишиной постепенно. Анна собрала мокрые тряпки. Фридрих и Карл вынесли скамью на место. Младшие ещё спорили, кому позволили стоять ближе к воротам, пока мать не отправила обоих наверх. Адольф устроился у печи, положив большую руку на колено.

Иоганн выдвинул тугой ящик стола и достал письмо.

Бумага уже размягчилась на сгибах. Некоторые строки он знал наизусть, но после слов Бауэра письмо стало выглядеть иначе. Ещё утром оно было голосом одного человека, уехавшего два года назад. Теперь оказалось, что к тому же голосу прислушиваются в соседних домах.

— Опять Мюллер? — спросил Карл.

Иоганн положил письмо на стол.

— Опять.

— Тогда прочитай вслух, — сказал Фридрих. — Всё, а не только про урожай.

Анна села напротив. Она устала, волосы выбились из-под чепца, на рукаве осталось влажное пятно от одежды девочки. Иоганн развернул лист и начал читать.

Мюллер писал, что второй год живёт в немецкой колонии на Волге. Земляки помогли ему найти пустующий двор и договориться о земле. Первую зиму он провёл тяжело, зато урожай вышел лучше, чем он ожидал. Теперь у него были две лошади, корова и крыша, которую до осенних дождей следовало перекрыть заново. Если Шмидты решатся на дорогу, он обещал встретить их и помочь устроиться. Готового хозяйства не обещал. Писал только, что свободные дворы поблизости ещё есть и человеку с руками работа найдётся.

Иоганн дочитал до конца. Некоторое время слышно было лишь, как в печи оседает полено.

— А лес там есть? — спросил Генрих с лестницы.

Анна подняла голову:

— Ты почему не в постели?

— Я воду хотел.

— Вода наверху.

— Я уже спустился.

— Тогда пей.

Генрих подошёл к столу, налил воды и остался возле лавки.

— Так есть лес? — повторил он.

— Мюллер пишет, что лес дорогой, — ответил Иоганн.

— А из чего дом строить?

— Из того, что найдём.

Сверху показался Вильгельм.

— А собаку можно взять?

— Нельзя, — сказала Анна. — Потому что вы оба сейчас вернётесь в постель.

— Я про Россию.

— Россия подождёт до утра.

Мальчики неохотно ушли. Карл проводил их взглядом.

— Если Мюллер всё так хорошо устроил, зачем ему мы?

— Он зовёт не нас одних, — сказал Иоганн. — Пишет, что в колонии нужны люди.

— Тем более.

— Что тем более?

— Может, там никто не хочет оставаться.

Фридрих покачал головой:

— Тогда он написал бы, чтобы мы не ехали.

— В письмах легко написать что угодно.

— Мюллер не станет лгать, — сказал Иоганн.

Анна разгладила край полотенца, лежавшего перед ней.

— Лгать — нет. Промолчать может.

Карл сразу повернулся к ней:

— Вот.

— Не радуйся. Ты тоже молчишь, когда разбиваешь что-нибудь во дворе.

— Я ничего не разбивал.

— Сегодня нет.

Адольф тихо хмыкнул. Карл бросил на него недовольный взгляд.

Анна коснулась письма кончиком пальца.

— Если там так хорошо, почему он зовёт нас только теперь?

Иоганн перечитал последние строки.

— Пишет, что хотел сперва сам встать на ноги.

— Это разумно.

— Да.

— Но мы всё равно знаем только то, что он решил написать.

Иоганн сложил письмо. Вопрос Анны был неприятен именно потому, что ответа не требовал. Мюллер мог быть честен в каждом слове и всё же не рассказать о многом.

Фридрих придвинул к себе пустую миску.

— А если остаться?

Карл усмехнулся:

— Будем и дальше пахать чужое поле.

— Сейчас тоже живём.

— Живём. До следующего платежа.

— Хватит, — сказал Иоганн.

Карл замолчал, но взгляд не отвёл. За последние два года семье дважды пришлось заниматься зерно для посева. Осенью владелец земли поднял плату, хотя урожай оказался хуже прежнего. Весной предстояло снова выбирать: оставить зерно на еду или отдать в землю, надеясь на летний дождь.

— Сколько мы должны? — спросил Фридрих.

— Столько, сколько должны, — ответила Анна.

— Я уже не маленький.

— Поэтому и не задавай вопросов, на которые отец не хочет отвечать при младших.

Иоганн посмотрел на жену. Она знала сумму не хуже его. Знала и то, сколько останется, если весна снова будет холодной, а лето сухим.

Адольф поднял перевязанную руку.

— На каком языке там говорят?

— В колонии — по-немецки, — сказал Иоганн. — Вокруг — по-русски.

— Ты знаешь хоть одно русское слово?

— Нет.

— А Мюллер?

— Теперь, наверное, знает.

— Как мы спросим дорогу?

Карл пожал плечами:

— Покажем рукой.

— А если покажут не туда?

— Тогда виновата будет твоя рука.

Адольф взглянул на повязку.

— Эта как раз не покажет.

Фридрих рассмеялся. Даже Анна улыбнулась, но тут же велела Адольфу идти спать. Он поднялся, придерживая больную кисть другой рукой.

— Отец.

— Что?

— Если там нет леса, дом всё равно самим строить?

— Самим.

Адольф кивнул, словно получил ответ на главный вопрос вечера, и ушёл наверх.

Иоганн убрал письмо в ящик.

— Завтра поеду к пастору.

— Вместе с Бауэром? — спросила Анна.

— Там уже собираются люди. Послушаю, что знают они.

— А потом?

— Потом вернусь домой.

Она посмотрела на него поверх стола, но больше ничего не спросила.

* * *

Утром мороз окреп. За ночь колеи затянуло тонкой коркой, и полозья скрипели по снегу так громко, будто рядом шла ещё одна невидимая повозка.

Иоганн выехал затемно. Бауэр сидел рядом, придерживая варежкой разбитую губу. Лошадь после вчерашнего прихрамывала, поэтому взяли кобылу Шмидтов. Она шла ровно и время от времени фыркала, выбрасывая облака пара.

— Марта ночью спала? — спросил Иоганн.

— Спала. Девочка тоже. Утром уже просила есть.

— Значит, обошлось.

— Обошлось.

Бауэр помолчал, затем потрогал языком рассечённую губу.

— Повозке хуже.

— Борт заменишь.

— Заменю. Если понадобится.

Иоганн повернул голову:

— Уже решил?

— Я вчера чуть жену с ребёнком не утопил возле собственного дома. Какие уж тут решения.

— Одно с другим не связано.

— Знаю. А всё равно кажется, будто связано.

На крыльце пасторского дома стояло шесть пар сапог, оставивших на досках мокрые следы. В сенях пахло овчиной и растаявшим снегом. Из комнаты доносились голоса; кто-то говорил громко и сердито, не давая другим вставить слово.

Пастор Клаус посадил Иоганна и Бауэра возле печи. На столе лежали письма, карта и несколько исписанных листов. Вокруг сидели знакомые хозяева из деревни и соседних селений.

Крюгер, сухой человек с длинной шеей, уже продал часть скота и доказывал, что ждать больше нечего. Вагнер, державший лучшие поля у восточной дороги, отвечал, что Крюгер торопится из-за долгов и хочет выдать нужду за убеждение. Гофман рассказывал о русской земле так уверенно, словно вчера вернулся оттуда, но при вопросах о собственном отъезде сразу вспоминал о больной матери.

— Земля и здесь есть, — сказал Вагнер.

— Здесь она не твоя.

— А там уже твоя?

— Брат договорился через колонию, — вмешался Крюгер.

— Купил землю? — спросил пастор.

— Взял.

— В аренду?

Крюгер помедлил.

— Наверное.

Клаус отложил письмо. Он выглядел усталым; судя по всему, этот разговор шёл уже не первый день.

— Никто не выдаёт вам готовых хозяйств, — сказал он. — Никто не обещает оплатить дорогу. В старых письмах встречаются рассказы о помощи первым переселенцам, но вы едете

теперь и на других условиях. Родственники и земляки могут найти место, помочь с жильём, свести с человеком, который сдаёт землю. Остальное зависит от денег, рук и удачи.

— Удача нужна и здесь, — сказал Бауэр.

— Здесь хотя бы известно, какая.

Крюгер постучал пальцем по столу:

— Я знаю одно: ещё один такой урожай — и хозяин заберёт всё сам. Вместе с моим знанием местной удачи.

Вагнер нахмурился:

— А в России неурожаев не бывает?

— Бывают.

— Болезней?

— Бывают.

— Тогда зачем тащить детей через море?

— Затем, что там у них хотя бы будет возможность начать.

— Начать что?

Крюгер открыл рот, но ответа не нашёл. Пастор пододвинул ему письмо.

— Вот твой брат. Читай то место, где он пишет о первой зиме.

Крюгер не взял лист.

— Я читал.

— Тогда не пропускай его, когда рассказываешь остальным.

Разговор снова распался на несколько голосов. Спрашивали, сколько стоит место на судне и можно ли продать хозяйство после начала весенних работ. Гофман уверял, что дорога через Любек самая надёжная, хотя сам никогда не видел моря. Иоганн слушал и лишь изредка задавал вопросы.

Бауэр долго молчал. Наконец спросил пастора:

— Если я напишу Мюллеру, он ответит?

— Ответит, если письмо дойдёт.

— А если мы приедем, он поможет?

— Иоганну обещал помочь.

Все посмотрели на Иоганна. Ему это не понравилось.

— Обещал встретить, — уточнил он. — И поискать место. Дома у него для нас нет.

— Значит, хоть один человек там будет знакомый, — сказал Бауэр.

Вагнер усмехнулся:

— Через две тысячи вёрст один знакомый человек. Богатство.

— Вчера и одного не было.

Клаус собрал письма в стопку, перевязал бечёвкой и убрал карту. Это подействовало лучше всяких просьб о тишине.

— Решения за вас здесь никто не примет, — сказал он. — Хотите знать моё мнение — не верьте человеку, который обещает лёгкую жизнь. Ни здесь, ни в России. Всё остальное проверяйте сами.

На обратном пути Бауэр говорил мало. У поворота к его дому он попросил остановить сани.

— Марте пока ничего не скажу, — признался он, слезая.

— Она спросит.

— Тогда скажу, что ничего не узнал.

— Это будет почти правдой.

Бауэр усмехнулся разбитой губой и пошёл к воротам.

Иоганн поехал дальше один. Мороз ослаб, с веток падал мелкий снег. Возле кузницы стучал молот, у школы бегали дети, на мостике через ручей двое мужчин меняли расшатавшу-

юся доску. Деревня занималась своими делами и не требовала от него никакого решения. Весной нужно было пахать, летом косить, осенью снова считать зерно. Всё было известно заранее, кроме того, хватит ли следующего урожая расплатиться за предыдущий.

Он вернулся домой перед сумерками.

* * *

Анна сидела у окна и штопала рубаху Фридриха. Генрих с Вильгельмом спорили возле печи, кому первому сушить промокшие рукавицы. Карл пытался вытолкнуть обоих локтем и одновременно поджаривал на железной лопатке кусок хлеба. Фридрих за столом чинил ремень. Адольф, устроившись возле стены, строгал узкую дощечку одной рукой. Доска выскальзывала, нож шёл поперёк волокон и оставлял рваный край.

Анна первой заметила мужа.

— Ну?

Иоганн снял тулуп.

— Нож положи, — сказала она Адольфу.

— Я почти закончил.

— Поэтому положи сейчас, пока не начал сначала с другой рукой.

Адольф нехотя убрал нож. Иоганн подошёл, взял дощечку и посмотрел на неровный паз.

— Что это?

— Хотел сделать защёлку для ящика.

— Для какого?

— Для своего.

— Ящик пока никуда не уходит.

— Я знаю.

Иоганн вернул ему дощечку. Карл подал отцу поджаренный хлеб, но тот оказался чёрным с одной стороны.

— Себе оставь.

— Я для тебя старался.

— Тем более жалко отнимать.

Фридрих усмехнулся, не поднимая головы. Карл соскоблил ножом горелую корку и съел хлеб сам.

За ужином Иоганн рассказал только главное. Готового дома никто не обещал. Дорогу семья оплачивает сама. Мюллер может встретить и помочь найти жильё и землю. Первые годы у переселенцев выходили тяжёлыми, иногда хуже, чем здесь.

— Тогда Крюгер всё равно едет? — спросил Фридрих.

— Говорит, что едет.

— А Бауэр?

— Сегодня не решил.

— А ты? — спросил Карл.

Иоганн посмотрел на Анну.

— После ужина поговорим.

Дети ещё некоторое время сидели за столом, ожидая продолжения. Его не последовало. Анна велела Генриху принести воды, Вильгельму — убрать сапоги от печи. Фридрих закончил ремень и проверил пряжку. Карл несколько раз принимался что-то говорить, но каждый раз находилось дело, которым мать прерывала его раньше первого слова.

Когда младшие ушли наверх, старшие тоже разошлись. Адольф забрал дощечку и нож.

— Нож оставь, — напомнила Анна.

— Я только покажу Генриху.

— Покажешь утром.

Он положил нож на полку и поднялся по лестнице. Через минуту наверху зашкрипела кровать, кто-то шикнул, потом Вильгельм засмеялся. Анна прислушалась, но вмешиваться не стала.

Иоганн сел за стол. Анна закончила штопать рубаху, откусила нитку и разгладила ткань на коленях.

— Значит, Мюллер не солгал, — сказала она.

— Не солгал.

— Но и жить за нас не станет.

— Не станет.

Она сложила рубаху и положила на край стола.

— Сколько будет стоить дорога?

Иоганн назвал сумму, которую услышал у пастора. Анна переспросила. Он повторил.

— Если продадим дом?

— Хватит на дорогу и останется на первое время.

— Если продадим хорошо.

— Да.

— А если плохо?

— Тогда продадим ещё одну лошадь.

Анна посмотрела в сторону конюшни, словно могла увидеть её сквозь стену.

— До Любека на чём поедem?

— Одну продадим перед самым отъездом. Вторую вместе с телегой — в порту или раньше, если найдётся покупатель.

— А дети?

— В телеге.

— Все?

— По очереди. Старшие пойдут рядом.

Анна стала складывать со стола деревянные ложки. Одну положила поверх другой, потом снова разъединила.

— Мать ты возьмёшь с кладбища? — спросила она.

Иоганн поднял глаза.

— Что?

— Ты говоришь: дом продадим, лошадь продадим, детей посадим в телегу. А родители останутся здесь.

— Останутся.

— И мои тоже.

Иоганн кивнул. Анна провела пальцем по краю ложки и положила её рядом с остальными.

Иоганн положил ладони на стол. Доски были тёплыми возле печи и прохладными у самого края. Этот стол они купили вскоре после свадьбы. Фридрих, ещё маленький, однажды вырезал на нижней перекладине две косые полосы. Анна тогда рассердилась; теперь полосы давно потемнели и почти слились с деревом.

— Если не получится, вернёмся, — сказал он.

Анна посмотрела прямо на него:

— Куда?

Ответа не было. После продажи дома возвращаться пришлось бы к чужому порогу. Землю отдадут другому арендатору. Долги останутся, даже если дорога съест последние деньги.

— Значит, вернуться не получится, — сказал Иоганн.

Анна положила ложку на стол. Больше они об этом не говорили.

Сверху донёсся глухой удар, затем возмущённый голос Карла. Похоже, кто-то бросил сапог через комнату. Анна подняла голову.

— Если сломают кровать до отъезда, оставим её хозяину бесплатно.

Иоганн улыбнулся. Она тоже, но ненадолго.

— А если останемся? — спросила Анна.

Он знал этот расчёт. Если весна окажется удачной, они протянут ещё год и отдадут часть долга. Если урожай снова подведёт, придётся занять зерно, продать вторую лошадь или отправить старших в наём. Дом пока останется, только жить в нём будут всё теснее.

— Тогда весной снова займём на посев, — сказал он.

— Если дадут.

— Дадут под будущий урожай.

— А будущий урожай уже будет не наш.

Иоганн провёл ладонью по лицу. За день щетина стала жёсткой, на висках ныла усталость.

— Я не хочу увозить вас из дома ради письма.

— Тогда не ради письма.

— А ради чего?

Анна встала, отнесла ложки к полке и вернулась.

— Ради того, чтобы через год не пришлось ехать уже без денег и без лошади.

Он посмотрел на неё. В комнате было тихо, только ветер иногда прижимал к стеклу сухую ветку яблони. Наверху дети наконец уgomонились.

— Ты хочешь ехать? — спросил Иоганн.

— Я хочу остаться.

Он опустил глаза.

— Но оставаться нельзя только потому, что я этого хочу, — продолжила Анна. — Так же как ехать нельзя только потому, что Мюллеру повезло.

— Тогда что остаётся?

— Посчитать, что у нас есть здесь. Ты уже посчитал.

Иоганн повернул письмо на столе. Оно лежало рядом с рубахой Фридриха, на которой Анна только что заштопала прореху.

— Весной надо будет начинать с нуля, — сказал он.

— Здесь мы тоже начинаем каждую весну с долга.

Анна потянулась к свече и поправила фитиль. Свет стал ярче, на стене качнулась тень.

— Поедем, — сказал Иоганн.

Слово прозвучало тише, чем он ожидал. Дом никак на него не ответил. В печи потрескивали дрова, на полке стояли миски, наверху кто-то ворочался во сне.

Анна села напротив.

— Весной?

— Как только дорога подсохнет.

— Сначала напишешь Мюллеру.

— Завтра.

— И пастору. Пусть узнает про судно.

— Хорошо.

Она взяла рубаху Фридриха и ещё раз проверила шов, хотя проверять было нечего.

— Иоганн.

— Что?

— Детям скажем утром.

Он кивнул.

Они погасили свечу и поднялись наверх. В темноте Иоганн задел плечом дверной косяк, который сам поставил много лет назад. Раньше он никогда его не замечал.

Утром дети проснулись от стука во дворе.

Иоганн вывел телегу из-под навеса, снял со стены скобель и осматривал разохшийся задний борт. Один из поперечных брусьев треснул возле железной скобы. До весенней пахоты телега ещё могла стоять, но долгой дороги такой брус не выдержал бы.

Адольф вышел на крыльцо, придерживая перевязанную руку у груди. Волосы у него торчали после сна.

— Зачем чинишь? — спросил он. — До весенних работ ещё далеко.

Иоганн провёл пальцем по трещине, примерил лезвие и ответил:

— До весенних — далеко. До дороги — нет.

Глава вторая

Северная Германия — Поволжье. Весна 1849 года.

Покупатель приехал рано, когда на дворе ещё держался ночной холод. Колёса его повозки были облеплены глиной, а от лошадей шёл пар. Он привязал их у ворот, поздоровался с Иоганном и, не заходя в дом, направился к сараю.

До этого дня они встречались трижды. Цена была названа, сбита, снова названа и наконец принята. Оставалось передать деньги и договориться, когда Шмидты освободят дом. И всё же покупатель опять осмотрел хозяйство так, словно увидел его впервые.

Он толкнул плечом дверь сарая, поднял старый хомут, провёл пальцами по коже. Потом запрокинул голову и долго смотрел на крышу.

— Над конюшней к осени перекладывать, — сказал он.

— Ещё две зимы простоит, — ответил Иоганн.

— Если снег будет лёгкий.

— Снег у нас не спрашивает.

Покупатель хмыкнул и пошёл дальше. У северной стены дома присел, скосил ногтем кусок старой замазки между брёвнами.

— Нижний венец сырой.

— Весной у всех сырой.

— А тут темнее.

Иоганн стоял у него за спиной и смотрел на бревно, которое сам рубил много лет назад. Оно было изогнуто у комля; тогда ему пришлось полдня подгонять паз, пока Анна носила воду и сердилась, что он снова работает без еды. Теперь чужой человек трогал дерево, оценивал его и уже прикидывал, где поставит свой стол, куда переведёт лошадей и какие яблони уберёт из сада.

— Я цену из-за этого не подниму, — сказал покупатель, выпрямляясь.

— Я и не просил.

Они обошли двор ещё раз. На крыльце появился Вильгельм с куском хлеба. Он молча наблюдал за мужчинами, потом спросил:

— А колодец тоже ваш будет?

Покупатель улыбнулся.

— Если отец мне его продаст.

— Он уже продал, — сказал Иоганн.

Вильгельм нахмурился, посмотрел на колодец и ушёл в дом. Покупатель проводил его взглядом.

— Детям трудно.

Иоганн не ответил.

В комнате Анна освободила половину стола. Покупатель достал кошель, высыпал на доски серебро и стал отсчитывать монеты. Они ложились одна к другой с негромким звоном. Иоганн пересчитал их дважды. После первого раза одна монета оказалась прилипшей к его ладони; он отделил её большим пальцем и начал сначала.

Покупатель назвал день, когда приедет с семьёй. Шмидтам оставалось четверо суток.

— Сарай я хочу получить пустым, — сказал он. — И лес у задней стены тоже заберу.

— Договаривались, что лес мой.

— Про дрова договаривались. Две длинные жерди — это не дрова.

Иоганн посмотрел на него. Из-за двух жердей спорить было глупо, но именно поэтому хотелось спорить.

— Одну оставляю, — сказал покупатель.

— Оставишь обе. У тебя лес ближе, чем у меня будет.

Анна, стоявшая у печи, повернулась к ним:

— Возьмите по одной и кончайте. Мне стол нужен.

Мужчины посмотрели на неё. Покупатель рассмеялся первым.

— По одной так по одной.

Он спрятал расписку, надел шапку и ушёл. Анна собрала со стола крошки, смахнула их в ладонь и бросила в печь. Потом вытерла доски влажной тряпкой. Сделала два привычных движения и остановилась.

— Зачем я это делаю? — спросила она.

— Стол пока наш.

— Стол наш. Дом — нет.

Иоганн убрал деньги за пазуху.

— Ещё четыре дня.

— Знаю.

Анна снова провела тряпкой по столу, выжала её над ведром и повесила возле печи. В тот же день дети начали спрашивать о вещах так, словно каждая уже принадлежала покупателю.

— Эту кружку можно взять? — спросил Генрих.

— Можно.

— А скамью?

— Скамья остаётся.

— Почему?

— Потому что у телеги нет второй телеги.

Карл пришёл из сарая с охапкой железа: две скобы, запасная подкова, обломок цепи и большой молоток.

— Это всё нужно.

— Кому? — спросил Иоганн.

— Нам.

— Для чего обломок цепи?

— Цепь чинить.

— Какую?

Карл посмотрел на железо в руках.

— Ту, которая порвётся.

— Положи обратно.

— В дороге не купим.

— В дороге не сможем поднять телегу, если ты нагрузишь её всем сараем.

Карл бросил цепь на верстак громче, чем требовалось. Скобы тоже пришлось оставить. Подкову и молоток Иоганн разрешил взять.

В доме шла своя борьба. Анна укладывала в ящик посуду, вытаскивала её, перекладывала между мисками тряпки. Часть вещей отправлялась в телегу, часть — на полку, где уже стояло оставляемое. Вильгельм незаметно сунул в мешок с мукой деревянную лошадку. Анна обнаружила её, когда проверяла завязку.

— Ты хочешь, чтобы мы ели её вместо хлеба?

— Она маленькая.

— Тогда положи в свой карман.

— Не помещается.

Анна повертела игрушку. У лошадки не было одного уха, грива была нарисована углём.

— Отдай мне.

Она завернула её в передник и положила поверх белья. Вильгельм просиял и убежал, пока мать не передумала.

Тяжелее всего оказался старый чугунок. Анна получила его от матери, когда выходила замуж. Он пережил несколько переездов внутри деревни, падение с печи и все зимы, когда детей приходилось кормить из одного блюда. У края тянулась тонкая трещина, но чугунок ещё служил.

Анна поставила его в корзину. Через час достала и вернула на полку. К вечеру снова завернула в мешковину.

— Если он расколется в дороге, будет только лишний вес, — сказал Иоганн.

— Я знаю.

— У Мюллера есть посуда.

— Нас семеро. У него столько нет.

— Купим.

— Сначала дом купим.

Она оставила чугунок в корзине. Утром Иоганн увидел его на полке. Никто больше о нём не заговорил.

Фридрих укладывал книги и бумаги в небольшой сундук. Генрих сидел рядом и пытался просунуть между ними ещё одну потрёпанную книгу.

— Корешок сломаешь, — сказал Фридрих.

— Тогда вынь свою толстую.

— Это Библия.

— Она всё равно одна на всех.

Фридрих молча переложил книги заново и нашёл место. Генрих сел на крышку, чтобы Карл смог застегнуть ремень.

Адольф перебирал отцовские инструменты. Рука после зимнего ушиба давно зажила, но при тяжёлой работе кисть иногда ныла, и он незаметно растирал её большим пальцем. На верстаке лежали рубанок, долота, бурав, клещи и два топора.

Иоганн взял небольшой плотницкий топорик с тёмной, отполированной рукоятью. Лезвие было короткое, с узким носком. Когда-то им работал его отец.

— Заверни этот, — сказал он.

Адольф протянул руку.

— Мне?

— Ты инструменты укладываешь.

— А потом?

— Потом будешь следить, чтобы не потерялся.

Адольф провёл пальцем по обуху и завернул топорик в ветошь. Больше Иоганн ничего не сказал.

Уже стемнело, когда он велел вынести из телеги старый ручной бурав. Железо было хорошее, но слишком тяжёлое, а пользоваться им приходилось редко.

— Оставим покупателю, — решил он.

Ночью Иоганн проснулся оттого, что в пустеющем доме всё звучало иначе. Где прежде висели ткани и стояли сундуки, стены уже не глушили шагов. Кто-то из детей повернулся на кровати, доски протяжно скрипнули.

Он долго лежал, затем встал, надел штаны и вышел во двор. Земля подмёрзла. В сарае пахло стружкой, старым сеном и влажным железом. Иоганн нашёл бурав на верстаке, постоял с ним в руке и понёс к телеге.

Утром Карл обнаружил инструмент под мешком с одеждой.

— А это не лишнее?

— Уже нет, — ответил Иоганн.

К третьему дню комнаты опустели. Голоса отдавались от стен, на брёвнах светлели прямоугольники там, где раньше висели часы и полки. Дети не могли привыкнуть к эху и несколько раз нарочно кричали из разных углов, пока Анна не прекратила игру.

Под вечер пришли соседи. Они принесли хлеб, копчёное мясо, сушёные травы и бутылки. Люди входили, как входили много лет: отряхивали сапоги о порог, сами находили кружки, садились на привычные места. Только привычных мест уже не хватало — две скамьи стояли во дворе, ожидая покупателя.

Сначала говорили о дороге. Один советовал держаться ближе к обозам, другой уверял, что в Любеке переселенцев обсчитывают на каждом шагу. Третий советовал ни в коем случае не покупать еду в порту и тут же признавался, что сам был там двадцать лет назад.

Потом разговор свернул к прежним временам. Вспомнили, как Иоганн однажды всю ночь искал пропавшую корову, а она утром вышла из чужого сарая. Карл рассказал, как Вагнер упал в навозную яму, когда помогал чинить крышу. Вагнер возмутился:

— Не упал. Доска сломалась.

— И ты очень обдуманно спустился вниз, — сказал Бауэр.

Вагнер выпил ещё. Лицо у него покраснело, голос стал громче. Он спорил с каждым, кто рассказывал историю не так, как помнил он, а потом вдруг поднимал кружку.

— За Шмидтов. Чтобы дорога их ничему плохому не научила.

Все выпили. Вагнер вытер усы ладонью и добавил:

— Всё равно через год вернёшься.

В комнате стало тихо.

— Почему через год? — спросил Вильгельм.

— Потому что дома лучше.

— У нас дома уже не будет.

Анна быстро положила ладонь младшему на плечо. Вагнер отвёл глаза.

— Я не то хотел сказать.

— А сказал правильно, — вмешался Бауэр. — Через год узнаем, кто из нас был умнее.

Они — что уехали, или мы — что остались.

— Ты сам собирался, — напомнил Крюгер.

— Собирался. Марта решила иначе.

— Марта или ты?

— Моя жена. Значит, мы.

Кто-то рассмеялся, и неловкость понемногу ушла. Вагнер больше не пил.

Старая Клара пришла последней. Она была в тёмной шерстяной накидке, мокрой по нижнему краю. В руках держала маленький льняной мешочек, перевязанный выцветшей синей лентой.

— Это тебе, — сказала она Анне.

Внутри тихо пересыпалось что-то сухое.

— Что здесь?

— Семена. Белые лилии. Их ещё моя мать выращивала, а ей достались от бабки.

Анна развязала ленту и вытряхнула на ладонь несколько тёмных семян.

— Зачем?

— Чтобы и там что-нибудь цвело по-нашему.

Анна сложила мешочек, завязала ленту и обняла старуху. Клара погладила её по спине.

— Не плачь, девочка.

— Я не плачу.

— Я тоже.

Они обе вытерли глаза и вернулись к столу.

Гости засиделись допоздна. Уходя, каждый говорил, что проводит утром, но Иоганн просил не приходить. Тронутся затемно, лишнего прощания не нужно. Никто с ним не спорил. Люди задерживались у дверей, пожимали руку чуть дольше обычного, обнимали Анну, гладили младших по головам. Вагнер ушёл последним из мужчин. На пороге он повернулся к Иоганну.

— Про год я зря.

— Может, и не зря.

— Нет. Зря.

Они пожали друг другу руки.

Когда дверь закрылась, в комнате остались запах табака, мокрых тулупов и погасших свечей. На столе лежали крошки, нож и забытая кем-то рукавица. Анна взяла её, но убирать остальное не стала.

— Чья?

— Вагнера, — сказал Карл.

— Догони.

— Он и без неё дойдёт.

— А завтра скажет, что мы увезли.

Карл выбежал на улицу.

* * *

Уезжали перед рассветом. Ночью снова подморозило, и колёса громко ломали тонкую корку на лужах. Телега была нагружена до бортов. Сундук притянули ремнями, мешки укрыли от сырости холстом. На задке висели ведро, котелок и моток верёвки. Кобыла шла осторожно, привыкая к тяжести.

Никто из соседей не пришёл. Только в окне Бауэров горела свеча.

Иоганн запер дверь и положил ключ на верхнюю ступеньку крыльца, как договорился с покупателем. Несколько мгновений смотрел на него, потом повернулся к телеге.

— Все сели?

— Все, — ответила Анна.

Фридрих и Карл шли рядом. Адольф сначала тоже хотел идти, но мать велела ему сесть между младшими, пока дорога не станет суше. Иоганн взял вожжи.

Телега тронулась.

Вильгельм сразу обернулся. Сначала за поворотом исчез их двор, потом соседские крыши начали сливаться с деревьями. Над деревней ещё долго виднелась колокольня.

— Ещё видно, — сообщал Вильгельм после каждого поворота.

Анна сидела рядом с Иоганном и держала руки под передником. В одном кармане лежал мешочек Клары, в другом — деревянная лошадка.

— Уже только верхушка, — сказал Вильгельм.

Иоганн смотрел на дорогу. Кобыла обошла глубокую колею и потянула телегу на подъём.

— Теперь не видно.

Анна посмотрела на мужа. Он поправил вожжи и ничего не сказал.

К полудню они вышли на большой тракт. Навстречу попадались обозы, одиночные всадники, телеги с бочками. В ту же сторону ехали другие семьи. Люди приветствовали друг друга, спрашивали о дороге, иногда на час соединялись, потом снова расходились.

Первую ночь провели в сарае при постоялом дворе. Вторую — под навесом, где сквозь крышу капало прямо на край одеяла. На третий день дождь прекратился, ветер подсушил дорогу, и кобыла пошла легче.

Поломка случилась на ровном месте. Сначала сзади раздался короткий стук. Потом телегу повело в сторону. Иоганн натянул вожжи и спрыгнул. Левое заднее колесо наполовину сошло с оси; деревянная чека раскололась и лежала в грязи двумя щепками.

— Не трогать телегу! — сказал он, когда Карл подошёл к колесу. — Сначала подпереть.

Фридрих и Карл принесли камни с края поля. Иоганн приподнял ось рычагом, сыновья подложили опору. Анна увела младших к канаве и достала хлеб.

Адольф развернул свёрток с инструментами. Иоганн выбрал из придорожной изгороди обломок буковой жерди и начал вырубать новую чеку.

— Так расколется, — сказал Адольф.

— Не расколется.

— Волокно вдоль удара.

— Я вижу волокно.

Адольф присел рядом и провёл ногтем по светлой древесине.

— Если повернуть вот так, край будет держать.

— А широкий конец не войдёт.

— Его снять отсюда.

Иоганн продолжил тесать. Адольф молча наблюдал. Чека получалась ровной, но у узкого конца прошла тонкая трещина.

Иоганн остановился.

— Дай другой кусок.

Адольф протянул обломок. Отец повернул его так, как он показывал, и стал снимать дерево короткими движениями. Адольф держал заготовку на камне. Несколько раз они мешали друг другу: сын слишком рано поворачивал деревяшку, отец сердился, что пальцы близко к лезвию. Потом приспособились.

Готовую чеку забили обухом. Иоганн толкнул колесо, потянул обратно, проверил ось. Держалось.

— Поедет? — спросил Карл.

— До первого города.

— А потом?

— Потом сделаем ещё одну. Эту оставим как образец.

Он протянул Адольфу топорик. Тот вытер лезвие травой и завернул инструмент.

Иоганн уже запрягал кобылу, когда Адольф спросил:

— А первая бы раскололась?

— Мы этого не узнаем.

Больше отец ничего не добавил. Адольф забрался на телегу и всю дорогу до ночлега несколько раз оглядывался на колесо.

Дни слились в одно движение. Утром укладывали постели и затягивали ремни. Днём шли рядом с телегой, чтобы облегчить лошади подъёмы. Вечером искали воду и сухое место. Чужие деревни отличались друг от друга крышами, вывесками на постоянных дворах и тем, как долго хозяин разглядывал нагруженную телегу, прежде чем назвать цену.

Потом в воздухе появился непривычный запах — соль, рыба, смола и мокрое дерево. Над крышами закричали чайки. Карл услышал их первым и побежал вперёд.

Любек открылся сразу шумом. У пристаней гремели цепи, скрипели ворота, грузчики перекликались на разных концах склада. Между повозками сновали матросы. Кто-то катил бочки, кто-то нёс на плече свёрнутый парус. Чайки падали к воде и взлетали, ругаясь человеческими голосами.

Дети остановились у края пристани. Перед ними лежало море — серое, тяжёлое, почти одного цвета с небом. Вильгельм долго смотрел вдаль.

— А где другой берег?

— Отсюда не видно, — сказал Карл с уверенностью человека, который уже всё понял.

— Почему?

— Далеко.

Вильгельм присел, зачерпнул ладонью воду и лизнул мокрый палец. Тут же сморщился.

— Она испорченная.

— Солёная, — сказал Генрих.

— Вся?

Карл рассмеялся.

— Нет, середина сладкая.

Вильгельм посмотрел на него с подозрением, потом на воду, словно собирался проверить. Анна, стоявшая рядом, неожиданно засмеялась. Не улыбнулась, а именно рассмеялась — громко и коротко. Дети повернулись к ней. Она прикрыла рот рукой, но остановиться сразу не смогла.

— Что? — спросил Карл.

— Ничего. Не давай ему искать середину.

Иоганн услышал её смех сквозь портовый грохот и оглянулся. Уже много недель Анна разговаривала только о деньгах, еде, ночлеге и детях. Теперь она стояла у чужого моря, ветер бил ей платьем по ногам, и на несколько мгновений лицо стало прежним.

Судно, на котором им предстояло плыть, стояло у дальнего причала. Вблизи оно оказалось меньше, чем представлял Иоганн, и больше, чем хотелось Анне. Чёрный корпус был залатан в нескольких местах, между досками блестела смола. Высоко над палубой поскрипывали снасти.

У трапа проверяли имена и поклажу. Телегу должны были отправить отдельно вместе с частью груза. Иоганн трижды переспросил, когда получит её обратно, и каждый раз слышал ответ, который понимал не до конца. Наконец нашёлся матрос, говоривший по-немецки, и объяснил всё медленнее.

Анна остановилась перед трапом.

— Страшно? — спросил Иоганн.

— Да.

— Мне тоже.

Она посмотрела на него, словно проверяя, не шутит ли. Потом поднялась первой, держа Вильгельма за руку.

Первые часы дети не отходили от борта. Смотрели, как причал медленно отдаляется, как люди на нём становятся меньше, как город скрывается за поворотом берега. Карл следил за матросами. Генрих считал суда. Вильгельм снова спрашивал, когда вода станет сладкой.

К вечеру веселье кончилось. Пол под ногами не стоял на месте, запахи мокрой одежды, рыбы и человеческого тела смешались в тесном пассажирском помещении. Анна сидела у стены, закрыв глаза. Фридрих лежал на скамье и на любой вопрос отвечал, что с ним всё хорошо, хотя лицо у него стало серым.

Карла море не испугало. На второй день он уже знал, где можно стоять, не мешая матросам, и выучил названия нескольких снастей. Боцман сначала отгонял его, потом разрешил подать бухту каната. Карл вернулся к семье мокрый и счастливый.

— Ещё немного, и он наймётся на судно, — сказала Анна.

— Пусть сначала научится не путаться под ногами дома, — ответил Иоганн.

Погода менялась постепенно. Ветер стал резче. Море потемнело, длинная волна укоротилась и начала бить в борт. Матросы чаще проверяли крепления, люки закрыли раньше обычного. Пассажиров велели не выходить наверх.

Ночью судно накренилось так, что незакреплённая кружка пролетела через помещение и ударилась о стену. Кто-то закричал. Потом корпус выпрямился, на мгновение всё замерло — и новый удар бросил людей в другую сторону.

У дальней переборки сорвался ремень, удерживавший поклажу. Сначала с места съехал небольшой сундук. Он ударил в скамью, развернулся и потащил за собой два мешка. За ними качнулся большой окованный ящик.

— В сторону! — крикнул Иоганн.

Карл схватил Вильгельма и отбросил его к матери. Сундук прошёл там, где мальчик сидел секунду назад, и прижал к стене ногу незнакомого мужчины. Тот закричал.

Иоганн с Фридрихом упёрлись в большой ящик плечами. Адольф полез к сорванному ремню. Палуба снова ушла из-под ног; ящик навалился на них всем весом. Иоганн почувствовал, как край вдавился в грудь.

— Карл! Верёвку!

Карл перебрался через мешки, ухватил конец каната и бросил отцу. Адольф продел его за стойку, но узел не затягивался: мокрая верёвка скользила в пальцах.

— Ещё круг! — крикнул Фридрих.

Судно легло на другой борт. Теперь ящик отступил от них, и все трое едва не упали. Иоганн успел обвести канат вокруг скобы. Карл потянул конец, Адольф затянул узел. Подоспевший матрос добавил второй ремень и что-то сердито закричал владельцу поклажи.

Раненого мужчину освободили. Нога была ушиблена, но кость, кажется, осталась цела. Его жена плакала, ругала хозяина сундука и одновременно благодарила Шмидтов.

Анна сидела у стены, прижав к себе Генриха и Вильгельма. Карл вернулся к ней, но после следующего удара снова поднялся, чтобы проверить узел.

— Сядь! — сказала она так, что он подчинился.

Иоганн опустился рядом. Руки дрожали от напряжения. Анна схватила его за запястье.

— Всё хорошо, — сказал он.

Очередная волна ударила в борт. Где-то наверху тяжело грохнуло. Анна посмотрела на мужа.

— Не отпускай.

— Не отпущу.

Она держала его до утра. Иногда качка слабела и люди начинали задрёмывать. Потом судно снова проваливалось, по стенам шли стоны дерева, дети просыпались. Иоганн следил за канатом на ящике. Каждый раз, когда тот натягивался, Адольф тоже открывал глаза.

К полудню буря ушла. Ветер ещё гудел в снастях, но удары стали реже. На палубу выпускали по несколько человек. Карл поднялся первым, на этот раз без спора взявшись за поручень обеими руками.

Анна вышла позже. Воздух был холодным и чистым. После духоты внизу от него кружилась голова. Вильгельм держал мать за юбку, Генрих щурился от света. У борта матрос выливал за борт ведро грязной воды.

— Всё ещё испорченная, — сказал Вильгельм, посмотрев на море.

Анна улыбнулась, но смеяться сил уже не было.

Через несколько дней на горизонте показался берег. Сначала его приняли за длинное облако. Потом над серой полосой появились тёмные неровности. Люди стали подниматься, звать детей, показывать друг другу одну и ту же точку.

— Россия? — спросил Генрих.

— Берег, — ответил Иоганн.

— Но российский?

— Российский.

Иоганн придерживал Анну под локоть. Она ещё плохо переносила качку и стояла, широко расставив ноги. Позади уже давно не было видно Германии. Впереди лежала земля, которую они знали по письмам и чужим словам. Пока она ничем не отличалась от любого другого берега: тёмная линия деревьев, несколько крыш, дым над водой.

* * *

После высадки снова началась дорога. Телегу нашли не сразу; один мешок оказался мокрым, на сундуке появилась длинная царапина. Иоганн пересчитал инструменты.

Сначала вокруг звучала чужая речь. На постоянных дворах приходилось объясняться жестами, показывать письмо Мюллера, искать человека, который понимал немецкий. Иногда находился такой же переселенец, ехавший в другую колонию, и тогда несколько дней они держались вместе.

Города сменялись дорогами, дороги — ночёвками. В одном дворе им дали чистое сено и горячую похлёбку. В другом хозяин запер колодец и потребовал деньги даже за воду. Несколько раз дождь загонял семью под телегу. Потом земля стала суше, леса отступили, расстояния между селениями выросли.

Дети перестали спрашивать, сколько осталось. Только Вильгельм иногда уточнял:

— Не завтра?

— Не завтра, — отвечал Иоганн.

Через неделю тот же вопрос прозвучал снова.

— Может, завтра, — сказал Иоганн.

Он сам не был уверен. Названия в письме совпадали с теми, что произносили на последнем постоялом дворе, но дорога разветвлялась, указателей не было. К вечеру они увидели первые дворы колонии. Дома стояли дальше друг от друга, чем в их деревне. За ними открывалась ровная земля, ещё бурая после зимы. Ветер шёл над ней без преграды.

Навстречу телеге вышел человек в выцветшей рубашке, высоких сапогах и коротком тёмном кафтане. Лицо его загорело почти до коричневого, борода поседела. Он остановился посреди дороги, прищурился и снял шапку.

Иоганн придержал кобылу.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

— Мюллер? — спросил Иоганн.

Человек засмеялся.

— Неужели так изменился?

Голос был прежний. Иоганн спрыгнул с телеги. Они обнялись неловко, стукнувшись плечами, отступили и снова разглядывали друг друга.

— Я думал, ты будешь выше, — сказал Мюллер.

— За два года уменьшился?

— Здесь всё кажется ниже. Небо большое.

Эта фраза прозвучала как приготовленная заранее. Мюллер сам это услышал и смутился.

— Анна, — сказал он, подходя к телеге. — Дети... Господи, сколько же вас.

— Столько же, сколько было, когда ты уезжал, — ответила Анна.

— В письмах меньше.

Он пожал руки старшим, перепутал Генриха с Вильгельмом и долго извинялся. Дети молчали. Они столько времени представляли Мюллера, что настоящий человек казался не тем.

— Поедем, — сказал он наконец. — До темноты надо разместиться.

— Далеко? — спросила Анна.

— Нет. Тут рядом.

Мюллер пошёл впереди, придерживая рукой борт телеги, хотя помогать лошади на ровной дороге не требовалось. Он рассказывал, кто живёт в домах, показывал кузницу, колодец и маленькую кирху без колокольни. Иоганн слушал вполуха. Ему хотелось спросить о земле, но прежде надо было накормить детей и уложить их.

Остановились возле длинного низкого строения на краю двора. Одна половина служила складом. В другой когда-то жила семья батрака. Дверь висела криво, нижний угол волочился по земле. Под окном лежали сломанная бочка, обруч и куча старых досок.

Мюллер остановился.

— Вот здесь пока.

Анна посмотрела на строение, потом на него.

— Пока — это до завтра?

— Нет. Пока не найдём лучше.

— А то место, о котором ты писал?

— Земля есть. Завтра покажу. С двором не вышло: хозяин передумал сдавать весь дом.

Но эта половина сухая. Печь работает. Крыша не течёт.

Мюллер говорил быстро, словно каждое новое достоинство должно было исправить увиденное прежде. Он толкнул дверь. Та упёрлась нижним краем в земляной пол. Пришлось приподнять её за ручку.

В комнате пахло пылью, мышами и старым зерном. У стены стояла печь, возле неё — лавка без одной ножки. На полу валялась солома. Окно было целым, но рама почернела от сырости. За тонкой перегородкой кто-то держал кур; слышалось недовольное кудахтанье.

Анна вошла и остановилась. В руке у неё был узел с бельём. Она медленно оглядела стены, земляной пол, перекошенную дверь. Потом повернулась к Иоганну.

За всю дорогу он видел её больной, испуганной, измученной. Такого выражения не видел ни разу. Будто силы, которыми она удерживала семью от самого дома, кончились именно здесь, в пустой комнате с чужой соломой.

— Анна... — начал Мюллер.

Она подняла руку.

— Печь работает?

— Работает. Я утром проверял.

— Вода где?

— Колодец через двор.

— Метла есть?

Мюллер оглянулся.

— Сейчас принесу.

Он вышел с таким облегчением, будто получил самое лёгкое поручение в жизни.

Иоганн молча откинул холст на телеге. Фридрих и Карл сняли первый сундук. Адольф достал инструменты. Генрих повёл Вильгельма за водой. Анна всё ещё стояла посреди комнаты. Потом положила узел на лавку, подняла с пола обломок доски и стала сгребать солому к двери.

— Подожди метлу, — сказал Иоганн.

— Пока он принесёт, мы уже будем спать на мышах.

Он снял со стены старый мешок и помог собрать мусор. Через несколько минут вернулся Мюллер с метлой, двумя ведрами и женщиной, которую представил своей женой Эльзой. Эльза принесла хлеб, молоко и горшок ещё тёплой каши. Она обняла Анну, хотя они никогда не встречались, и сразу стала вытирать пол возле печи.

К вечеру помещение изменилось не сильно, но в нём уже можно было находиться. Солому вынесли, печь растопили, перекошенную лавку подперли поленом. На земляной пол постелили

два полотнища. Сундуки поставили вдоль стены. Дверь закрывалась только тогда, когда Карл приподнимал её, а Фридрих задвигал деревянную щеколду.

Ели из одной большой миски. Каша была жидкой, хлеб кислым, молоко пахло дымом. Никто не жаловался. Вильгельм заснул, не дожидаясь корку, Генрих устроился у сундука и положил голову на свёрнутую куртку. Карл ещё пытался расспрашивать Мюллера о колонии, но глаза у него закрывались.

— Утром покажу землю, — сказал Мюллер Иоганну. — Есть два участка. Один ближе к воде, но низкий. Другой дальше, зато суше.

— Дом там можно поставить?

— Можно. Только лес вести издалека.

— А с этим помещением?

Мюллер посмотрел на Анну.

— До лета хозяин разрешил. Может, дольше. Плату возьмёт небольшую.

Анна не подняла головы. Она складывала остатки хлеба в полотенце.

Эльза позвала мужа домой. Они ушли, пообещав прийти утром. Дверь снова пришлось приподнимать. Когда она закрылась, семья осталась одна.

Ветер проходил через щель у порога. За перегородкой возились куры. Печь потрескивала, но тепла ещё не набрала.

— Мама, это наш дом? — сонно спросил Вильгельм.

Анна накрыла его тулупом.

— Сегодня — наш.

— А завтра?

— Завтра посмотрим.

Иоганн вышел наружу. Ночь была ясная и холодная. Двор лежал в тени, за последними строениями начиналась степь. В темноте она не казалась ни богатой, ни бедной — просто уходила дальше, чем мог видеть глаз. Ветер принёс запах сырой земли и далёкого дыма.

Дверь за спиной заскребла по полу. Анна вышла, придерживая её обеими руками, и прислонилась к стене.

Некоторое время они молчали.

— Жалеешь? — спросил Иоганн.

— Сегодня — да. Завтра посмотрим.

Он кивнул.

Утром Иоганн проснулся от стука. Сначала решил, что кто-то колет дрова во дворе. Потом услышал скрежет двери и поднялся.

Адольф сидел на корточках у порога. Рядом лежал дедовский топорик. Мальчик подтёсывал нижний край двери, снимая короткую сухую стружку.

— Разбудишь всех, — сказал Иоганн.

— Она иначе не закрывается.

Иоганн попробовал приподнять дверь. Верхняя петля тоже разболталась.

— Снизу много не снимай. Перекос сильнее станет.

Он достал из свёртка второй инструмент и опустился рядом с сыном.

Глава третья

Поволжье. Лето 1871 года.

Казённая телега появилась у двора старосты около полудня, когда на дороге обычно встречались только телеги с хлебом да ребятишки, посланные за водой.

Солнце стояло высоко. Над полями дрожал горячий воздух, жёсткая стерня колола ноги сквозь штаны, а пыль въедалась в мокрые от пота воротники. Иоганн с сыновьями работал с

рассвета. До обеда оставалось сжать ещё две полосы, и он уже прикидывал, успеют ли сложить снопы до вечерней росы, когда со стороны деревни донёсся крик.

По меже бежал Павел Крюгер. Бежал неловко, придерживая одной рукой шляпу, другой размахивая над головой.

— К старосте! — выкрикнул он ещё издали. — Из уезда приехали!

Карл выпрямился первым. Провёл рукавом по лицу и оставил на щеке тёмную полосу.

— Ну вот. Дождались.

Фридрих воткнул серп в сноп.

— Чего дождались, он сказал?

— Будет там кричать на всю деревню, если знает.

Павел добежал до них, остановился и несколько раз безуспешно попытался вдохнуть.

— Бумагу привезли, — выговорил он наконец. — Староста велел всем хозяевам собраться. Сейчас читать будут.

— Какую бумагу?

Павел пожал плечами. Вид у него был обиженный, словно он добросовестно принёс весть, а от него требовали ещё и понимать её.

Иоганн снял шляпу, вытряхнул из неё соломенную труху и посмотрел на небо. Ни одного облака. Оставлять снопы на поле было безопасно, но всё равно противно: начатая работа должна быть закончена.

— Серпы соберите, — сказал он. — Вернёмся после.

— После чего? — спросил Карл.

Иоганн надел шляпу.

— После бумаги.

На дороге к ним присоединились соседи. Кто-то шёл прямо с поля, кто-то успел забежать домой и сменить мокрую рубаху. Старик Вагнер торопился, опираясь на палку, и сердился на внука, который всё время хватал его под локоть.

У старостина дома уже стояла казённая телега. Лошадь отгоняла хвостом мух. Возница сидел в тени, положив картуз на колено, и с таким равнодушием жевал хлеб, будто привёз не распоряжение, а два мешка соли.

Сам чиновник расположился возле крыльца. Молодой, узкоплечий, в застёгнутом сюртуке, хотя жара давно позволяла простить человеку любую небрежность. Рядом стоял староста с красным от солнца лицом. Он несколько раз пересчитал собравшихся, потом махнул рукой тем, кто продолжал переговариваться.

— Тише. Слушать приехали.

Чиновник достал из папки сложенные листы. Бумага на стигах была совершенно белой — видно, открывали её впервые. Он расправил лист, прижал угол большим пальцем и начал читать.

Голос у него оказался негромким, но привычным к казённым словам. Он не запинаясь на длинных названиях учреждений, не выделял важных мест и не смотрел на людей, пока не дошёл до конца абзаца.

Говорилось об изменении положения колонистов. О передаче колоний в обычное губернское управление. О том, что поселяне должны впредь исполнять общие земские и государственные повинности. Прежние особые правила прекращали действие; порядок перехода надлежало объявлять по мере поступления дальнейших распоряжений.

Иоганн слушал, сложив руки на груди. Возле него Фридрих шевелил губами, стараясь удержать каждое слово. Карл сперва смотрел на чиновника, потом отвернулся к дороге. Адольф стоял чуть сзади, и лица его отец не видел.

Когда чтение закончилось, несколько мгновений никто не заговорил. Из конюшни донёсся стук копыта. Возница отломил ещё кусок хлеба.

Первым выступил Вагнер.

— А освобождение от военной службы?

Он спросил громко, хотя стоял ближе всех. Внук снова потянулся поддержать его и получил сердитый толчок локтем.

Чиновник сложил верхний лист к нижнему.

— О воинской повинности в присланном распоряжении отдельно не сказано.

— Так остаётся она или нет?

— Я прочёл всё, что мне предписано объявить.

По толпе прошёл гул.

— Если повинности теперь общие, значит, и эта будет общая, — сказал кто-то.

— Закон ещё не принят.

— Сегодня не принят, завтра примут.

— Нам при переселении обещали.

Чиновник поднял ладонь, но тише не стало. Крюгер протиснулся вперёд.

— У нас свидетельства есть. Печатные. Там всё записано.

— Бумаги берегите, — ответил чиновник. — Если последуют разъяснения, староста получит их обычным порядком.

— А пока что делать?

— Исполнять то, что объявлено.

— Что именно исполнять, если вы сами не можете сказать?

Староста дёрнул Крюгера за рукав.

— Дай человеку договорить.

— Он уже договорил.

Чиновник действительно больше ничего не добавил. Сложил листы, постучал ими по ладони, выравнивая края, и убрал в папку. На его пальце блеснуло тонкое кольцо, возле ногтя темнело чернильное пятно. Иоганн почему-то запомнил именно его.

Староста предложил чиновнику зайти в дом. Тот отказался, сказал, что должен побывать ещё в двух колониях, и направился к телеге. Люди расступились, но расходиться не стали.

Возница доел хлеб, надел картуз и взял вожжи. Колёса тронулись. Пыль поднялась сразу, закрыла телегу до половины и потянулась за ней по дороге. Старик Вагнер смотрел вслед, пока лошадь не скрылась за поворотом.

— Отдельно не сказано, — повторил он. — Очень удобно.

Крюгер принялся доказывать, что нужно немедленно ехать в Саратов. Леман требовал сначала списаться с соседними колониями. Кто-то предлагал послать человека в Петербург, и его сразу спросили, на чьи деньги тот человек поедет. Заговорили все одновременно. Несколько женщин подошли к изгороди, но в спор не вмешивались.

Иоганн дождался, пока староста объявит собрание на воскресенье.

— Принесите старые бумаги, у кого сохранились, — сказал тот. — Посмотрим, что можно приложить к прошению.

— Всё приложить, — крикнул Крюгер.

— Сначала прочитаем.

— Читать надо было двадцать лет назад.

— Мы и читали двадцать лет назад. Теперь ты домой иди и отыщи, что тогда читал.

Кто-то засмеялся. Крюгер хотел ответить, но староста уже повернулся к другому.

Иоганн тронул Адольфа за плечо.

— Пойдём. Снопы сами себя не сложат.

Карл нагнал их на дороге.

— И всё? Вернёмся в поле?

— А куда ты хочешь вернуться?

— К старосте. Надо решить, что отвечать.

— В воскресенье решим.

— К воскресенью бумага другой не станет.

— Хлеб тоже ждать не станет.

Карл недовольно ударил ладонью по бедру, но свернул вместе со всеми к полю.

Работали до темноты. После объявления чиновника серпы шли по стеблям так же, как утром. Снопы вязали так же туго. Только разговор всё время начинался заново.

Карл повторял слова чиновника и каждый раз находил в них новый дурной смысл. Фридрих поправлял его: этого тот не говорил, то было сказано иначе. Адольф молчал. Один раз, распрямляя спину, он посмотрел в сторону дороги. Казённая телега давно проехала, но над дальними кустами ещё держалась пыль.

Иоганн заметил взгляд сына и ничего не сказал. Он поднял с земли рассыпавшийся сноп и перевязал его заново.

Домой вернулись, когда двор уже лежал в тени. Анна сидела под навесом и перебирала пшеницу. Решето покачивалось на коленях, зёрна сухо шуршали по дереву. Услышав калитку, она подняла голову.

— Поздно.

— Задержали, — ответил Иоганн.

Анна поставила решето на землю. На Карла она посмотрела всего секунду, потом снова на мужа.

— Что привезли?

Иоганн снял шляпу. Поля шляпы посерели от пыли, внутренняя лента промокла насквозь.

— Новые правила.

— Какие?

Он опустился на лавку и стал стягивать сапог. Земля набилась внутрь, мелкие сухие комочки посыпались на доски.

— Колонии теперь будут как остальные селения. Под общим управлением. Повинности тоже общие.

Анна подождала.

— А служба?

— Про неё отдельно не сказали.

— Значит, скоро скажут.

Карл остановился у бочки.

— Я то же самое говорю.

Анна взяла ковш, зачерпнула воды и протянула ему.

— Сначала напейся. Потом говори.

За ужином в доме было душно. Окно раскрыли настежь, но воздух почти не двигался. Муха билась о стекло в верхней раме. Вильгельм дважды вставал, чтобы выгнать её полотенцем, и оба раза только заставлял остальных пригибать головы.

— Оставь, — сказала Анна. — Сядь и ешь.

Карл ел быстро и сердито. Фридрих положил рядом с миской обломок карандаша и на обороте старой ведомости записывал услышанные формулировки, пока помнил.

— «Общие государственные повинности», — повторил он. — Так?

— Так, — сказал Иоганн.

— И «прежние особые правила прекращают действие»?

— Почти так.

— Не почти. В прощении каждое слово важно.

Карл отложил ложку.

- В прошении важно одно: нам обещали.
- Это ты и без бумаги можешь написать.
- Напишу.
- Кто прочитает?
- Тот, кому положено.
- А тот, кому положено, спросит, где обещание записано.
- Хватит, — сказал Иоганн.

Оба замолчали. Адольф сидел у края стола и медленно крошил хлеб в молоко. Анна заметила, что он почти не ел.

- Ты что скажешь?

Адольф поднял глаза.

- А что меняет то, что я скажу?
 - За столом пока можно говорить без разрешения из уезда.
- Карл усмехнулся. Адольф тоже улыбнулся, но сразу посерьёзnel.
- Надо найти отцовские бумаги.
- Иоганн посмотрел на него.

- Найдём.
- Там свидетельство о приписке было. С печатью.
- Есть оно.
- И письмо Мюллера, — напомнил Фридрих.

Карл фыркнул.

- Письмо Мюллера губернатору покажем? Он расчувствуется.
- Письмо оставим дома, — сказала Анна. — Оно к губернатору не просилось.

Фридрих зачеркнул строку на ведомости и написал её заново. Вильгельм наконец поймал муху полотенцем, распахнул дверь и торжественно вытряхнул на улицу. Вместе с мухой с полотенца слетели хлебные крошки.

Анна посмотрела на пол.

- Теперь подметёшь.
- Я же её выгнал.
- Вот и крошки выгони.

Вильгельм ушёл за веником. Несколько мгновений все следили за ним, и напряжение за столом ослабло.

Иоганн допил молоко.

— В воскресенье будет собрание. Староста просил принести бумаги. До тех пор спорить не о чем.

- А после будет? — спросил Карл.
- После будет о чём.

Анна собрала миски. Одну подала Адольфу, хотя его молоко осталось почти нетронутым.

- Отнеси.

Он встал, взял посуду и понёс к печи. Проходя за спиной отца, едва заметно коснулся ладонью его плеча — то ли попросил пропустить, то ли просто не рассчитал расстояния. Иоганн обернулся, но сын уже ставил миску в таз.

В следующие дни деревня жила сразу двумя делами. В поле убрали хлеб, а по вечерам в каждом дворе искали старые бумаги. К старосте несли пожелтевшие свидетельства, выписки из церковных книг, письма, копии договоров. Одни документы хранились завернутыми в полотно, другие находили под мешками с шерстью или за иконой. У Крюгера мыши сгрызли половину листа, и он уверял, что как раз ту, где были записаны самые важные слова.

- Мыши всегда знают, что выбирать, — сказал Леман.

Крюгер обиделся и до вечера с ним не разговаривал.

В воскресенье хозяева собрались в школьной комнате. Скамьи были рассчитаны на детей, и взрослые сидели боком, вытянув ноги в проход. Пахло мелом, горячими сапогами и табаком, хотя староста ещё у двери запретил курить.

На учительском столе лежал черновик прошения. Фридрих читал его вслух, а собравшиеся перебивали почти после каждой строки.

— «Верноподданнейше просим...» Это оставить.

— А куда мы денемся? Конечно оставить.

— Дальше слушайте.

Крюгер требовал вписать, сколько десятин они подняли из целины. Леман спрашивал, при чём здесь десятины. Вагнер сказал, что речь не только о службе, и постучал палкой по полу. Учитель вышел из-за стола, забрал у него палку и поставил у стены.

— Верну после собрания. Доски казённые.

— А палка моя.

— Поэтому её и берегу.

Старик проворчал что-то по-немецки, но спорить дальше не стал.

Иоганн сидел у окна. Рядом Адольф держал принесённую папку на коленях. До конца первой страницы добрались не скоро. Когда снова заспорили, на какие старые права ссылаться, Адольф наклонился к отцу.

— Так до ночи просидим.

— В поле жарче.

— Зато там каждый знает, что делать.

Иоганн бросил на него короткий взгляд, потом поднялся и положил папку на стол.

— У нас есть свидетельство о приписке. И выписка, которую выдали после приезда.

Адольф развязал тесёмку. Староста поднёс первый лист к окну, учитель прочёл его вслух. В документе перечислялись члены семьи, место прежнего жительства, дата приписки к колонии и права, которыми Шмидты пользовались наравне с остальными поселянами.

— Вот, — сказал Крюгер. — «Наравне с остальными». Этого довольно.

Староста положил лист на стол.

— Для прошения — довольно. А там увидим.

Он попросил оставить оба документа до завтра, чтобы снять списки.

Анна ждала именно этого.

Когда Иоганн вернулся домой и сказал, что бумаги остались у старосты, она перестала резать капусту.

— Обе?

— Обе.

— Ты отдал оригиналы?

— До завтра.

Анна положила нож.

— А если дети в школе чернила прольют? Или крыша у него ночью потечёт?

— Сухо. Не потечёт.

— Значит, загорится.

Иоганн посмотрел на сыновей. Карл отвёл глаза. Фридрих принялся рассматривать ногти. Адольф встал.

— Я схожу. Помогу учителю переписать и принесу бумаги.

Анна снова взяла нож.

— И платок возьми. Завернёшь.

— Там папка.

— Папка старостина. Платок наш.

Адольф вернулся через два часа, когда в доме уже зажгли лампу. Под мышкой он держал свёрток в синем клетчатом платке. Анна развернула его прямо на столе, проверила оба листа, провела пальцем по старой печати и только тогда снова завернула.

— Теперь можно ужинать.

— А без них нельзя было? — спросил Карл.

— Тебе можно. Ты и без головы иногда ешь.

Карл засмеялся первым. Даже Иоганн улыбнулся.

На среднем пальце Адольфа темнело чернильное пятно.

— Списки готовы? — спросил отец.

— Готовы. Один останется при прощении. Второй староста возьмёт в уезд.

— Сам поедет?

Адольф потёр палец.

— Нет. Просит меня.

Карл перестал улыбаться.

— Почему тебя?

— Я по-русски пишу без ошибок. И прослежу, чтобы бумаги приняли.

Иоганн помолчал.

— Когда?

— Послезавтра утром.

Анна поставила перед ним миску.

— На сколько дней?

— На два. Может, на три.

— Рубаху возьмёшь запасную. И сапоги другие. Эти по шву расходятся.

— Не расходятся.

Анна посмотрела вниз. Адольф поджал ногу под лавку.

— Другие.

На следующий день прошение подписывали у старосты. Кто умел, выводил имя сам, остальные ставили крест. Вагнер долго пытался удержать перо. Пальцы у него дрожали; с пера сорвалась капля и расплылась у края листа.

— Дай крест поставлю, — сказал внук.

Старик оттолкнул его руку.

— Я всю жизнь имя писал.

Учитель подложил под его запястье сложенный лист. Вагнер вывел первую букву, перевёл дыхание и продолжил. Имя получилось крупным и неровным, почти на всю строку.

— Теперь хоть видно, что сам подписал.

Никто не засмеялся.

Адольф стоял у края стола и сверял бумаги. Крюгер ещё раз спросил, положили ли его изгрызенное свидетельство.

— Положили, — ответил Леман. — Не съели остальное.

Староста перевязал папку тесёмкой, завернул в промасленное полотно и передал Адольфу.

— В канцелярии отдай писарю лично. Пусть запишет прошение в книгу и даст расписку.

— Хорошо.

— Если велят прийти потом — дождись. И не спорь.

Крюгер тут же спросил:

— А если не примут?

Староста посмотрел на него.

— Потому Адольф и едет, а не ты.

Утром Анна поднялась раньше обычного. Пока Адольф запрягал лошадь, она уложила в сумку хлеб, сыр, две луковицы и запасную рубаху. Сапоги он всё-таки надел другие.

Иоганн вышел из сарая с мотком верёвки.

— Правую постромку после первой остановки проверь. Вчера сухо скрипела.

— Проверю.

— На мельничном мосту держись левее. Там доску у края подняло.

— Знаю.

Иоганн обошёл телегу, дёрнул задний борт, потрогал ступицу. Всё было исправно. Промасленный свёрток лежал под сиденьем, прикрытый старым кафтаном.

Анна подала сыну сумку.

— Не клади рядом с бумагами. Лук пахнет.

— Бумаги в полотне.

— Лук этого не знает.

Адольф привязал сумку к борту. Карл, пришедший проводить брата, хотел что-то сказать о канцелярских людях, но Иоганн опередил его:

— Поезжай.

Адольф взял вожжи. Лошадь тронулась не сразу, сперва потянулась к траве у изгороди. Он коротко цокнул языком, и телега выехала за ворота.

Анна постояла на дороге, пока сын не миновал соседний двор. Потом вернулась в дом: тесто уже подходило и могло выйти из квашни.

Карл отправился за серпами. Фридрих понёс в поле воду. Иоганн задержался у калитки.

На дальнем повороте Адольф оглянулся. Отец всё ещё стоял возле ворот. Они подняли руки почти одновременно. Затем телега скрылась за пыльными кустами.

Иоганн закрыл калитку и пошёл следом за сыновьями в поле.

* * *

После исчезновения Иоганна я ещё некоторое время стоял у изгороди. Наверное, ждал, что он вернётся: забыл что-нибудь сказать, передумал уходить или хотя бы покажется в конце улицы. Но улица была пуста, калитка закрыта, и только на верхней жерди сидел воробей, совершенно равнодушный к тому, что человек только что взял и исчез у него на глазах.

Воробья подобные вещи, видимо, давно не удивляли. Мне ещё предстояло привыкнуть.

Пока рядом был Иоганн, я хотя бы знал, чем занят. Теперь выяснилось, что я один посреди незнакомого Города, машина осталась неизвестно где, паром ушёл, а телефон, на который в обычной жизни возложены обязанности памяти, карты и значительной части головного мозга, лежит в кармане бесполезным куском пластмассы.

Я достал его ещё раз. Связи не было. Время он показывал исправно, хотя здесь это мало что объясняло.

Можно было пойти обратно к реке. Оставалось понять, где она находится.

Я выбрал улицу пошире и через несколько минут оказался на небольшом рынке. Там торговали хлебом, овощами, глиняной посудой, старыми книгами и ещё множеством вещей. Люди опять были одеты каждый по-своему, словно пришли сюда из разных времён, но никто не обращал на это внимания.

Я уже собирался спросить дорогу у торговки зеленью, когда возле крайнего прилавка раздался треск. Мужчина, толкавший небольшую тележку с двумя мешками и деревянным ящиком, угодил колесом в щель между камнями. Тележка накренилась, верхний мешок пополз вбок. Мужчина успел подхватить его плечом.

— Поддержать?

— Будьте добры. Мешок соскользнёт.

Я ухватился за край тележки. Мужчина поправил мешок, потом взялся за колесо, но оно застряло прочно. Вдвоём мы приподняли тележку и сдвинули её в сторону.

— Благодарю вас, — сказал мужчина. — Один бы я долго возился.

Лет ему было около сорока или немного больше. Тёмные волосы уже тронула седина, борода была коротко подстрижена. Одет он был просто: сапоги, брюки, жилет поверх светлой рубахи и плотный полотняный фартук.

— Вы кого-нибудь ищите? — спросил он.

— Пока дорогу. Кого буду искать потом, ещё не решил.

Он посмотрел на меня внимательнее, но уточнять не стал.

— Мне нужно отвезти это в пекарню. Оттуда виден спуск к реке. Если вам туда, идите со мной.

Я согласился. Человек с нагруженной тележкой двигался небыстро, зато явно знал, куда идёт.

Мы выбрались из рыночной толпы и пошли по улице, вымощенной неровным камнем. Тележка грохотала, на выбоинах я помогал удерживать её за борт. Мужчина сперва возражал, потом позволил.

— Вы недавно приехали? — спросил он, когда мостовая стала ровнее.

— Сегодня утром. Если здесь всё ещё тот же день.

Он взглянул на небо.

— Тот же.

Больше он ни о чём не спрашивал. Мне это понравилось. После нескольких сегодняшних встреч я начал опасаться людей, заранее знающих обо мне больше, чем знаю я сам. Этот ничего не знал и не делал вид, что знает.

Улица пошла под уклон. Между домами мелькнула вода, но почти сразу скрылась за крышами.

— Река там?

— Там. За пекарней свернёте вдоль каменной ограды, потом увидите лестницу.

Я постарался запомнить.

Пекарня находилась в полуподвальном этаже углового дома. Ещё не дойдя до двери, я почувствовал запах горячего хлеба.

Навстречу вышел молодой человек с закатанными рукавами.

— Наконец-то. Я уж думал, мельник опять задержал.

— Мельник отдал вовремя. Колесо застряло на рынке.

Они вдвоём сняли мешки и унесли внутрь. Я остался возле тележки с деревянным ящиком, из которого доносился негромкий звон. Через минуту мой спутник вернулся и предложил помочь отнести ящик.

В пекарне было жарко. На длинном столе лежали округлые буханки, возле печи работала женщина с красным от жара лицом. Она кивнула моему спутнику, на меня посмотрела с обычным любопытством и снова занялась хлебом.

Мы поставили ящик у стены и вышли на улицу.

Мужчина развязал фартук, свернул его и положил в тележку.

— Отсюда идите вдоль ограды. За садом будет лестница, а с площади увидите реку.

— Благодарю. И за дорогу, и за компанию.

Он взялся за ручки тележки, собираясь уходить. Только тут я понял, что мы так и не познакомились.

— Простите, как вас зовут?

Мужчина поставил тележку, снял картуз и назвал:

— Адольф Иоганнович Шмидт.

Глава четвёртая

Сибирь. Лето 1882 года.

Сибирское лето начиналось рано. Солнце только поднялось над лесом, а во дворе Адольфа Шмидта уже скрипели по сухой земле лавки, звякала посуда и раздували огонь под большим чугуном. От горячих щепок тянуло дымком. Над рекой ещё держался лёгкий туман. Из-за соседнего забора доносились стук ножа по доске и женские голоса.

Новоселье собирались устроить прошлой осенью, сразу после того, как закончили дом. Потом Адольфа задержали дела на заводе, ударили морозы, весной стало не до гостей. Дом успел обжиться: половицы потемнели у порога, на стене возле печи осталось пятно от копоти, а две берёзки у ворот дали первую настоящую тень.

Мария решила, что дальше откладывать нельзя.

— Лавку к сараю поставьте, там после полудня прохладнее будет, — говорила она. — А котёл не трогайте, я сама посмотрю.

Мужчины переносили стол под навес. Женщины раскладывали хлеб, резали пахнущие свежестью огурцы, ставили на доски крынки. Дерево под ладонями уже нагрелось от солнца. Дети появлялись именно там, где взрослым требовалось пройти с чем-нибудь горячим или тяжёлым.

— Возле огня не бегать! — крикнула Мария.

Через минуту мимо чугунка промчались трое мальчишек. Последним бежал Александр. У бочки он задел пустое ведро, оно покатилося по двору и остановилось у ног Адольфа.

— Это не я, — выпалил Александр, ещё не успев перевести дух.

— А кто?

Мальчик оглянулся на уже исчезнувших приятелей.

— Мы все задели.

Адольф указал на ведро. Александр поднял его, отнёс к бочке и поставил на прежнее место.

— Теперь можно идти?

— Сначала помоги матери.

Александр сразу посерьёзnel. Помощь матери чаще всего означала миски, дрова или воду — всё то, что сейчас меньше всего его занимало.

Мария вынесла из дома плетёную корзину, накрытую чистым полотенцем.

— Отнесёшь учителю. Скажешь, что стол уже накрывают и мы его ждём. Корзину не наклоняй: там пироги.

Александр взял корзину обеими руками. Она оказалась тяжелее, чем он ожидал.

— Я и один донесу.

— Для того и даю.

Он пошёл к калитке медленно, с непривычной для него осторожностью. Возле ворот остановился, перехватил ручку и только потом вышел на улицу.

Адольф проводил сына взглядом.

— Дойдёт, — сказала Мария.

— Я ничего не сказал.

— Ты посмотрел.

К возвращению Александра во дворе уже собирались гости. Приносили хлеб, молоко, связки сушёной рыбы, бутылки, завёрнутые в полотенца. От раскрытых корзин пахло тестом и печёным луком. Каждый оглядывал дом, хвалил крепкое крыльцо или широкие окна, хотя все давно успели здесь побывать.

Леман пришёл с двумя сыновьями и сразу обнаружил, что одна из длинных лавок качается. Адольф принёс нож и несколько щепок. Пока он подрезал одну из них, младший Леман держал лавку за край, изо всех сил стараясь не мешать.

— Теперь садись, — сказал Адольф.

Мальчик осторожно опустился на самый конец. Лавка устояла. Тут же рядом уселись ещё трое, проверяя её уже без всякой осторожности.

Александр поставил корзину на стол и подбежал посмотреть. Он присел возле ножки, потрогал выступавшую щепку и спросил, почему нельзя было просто укоротить остальные три.

— Потому что тогда пришлось бы подрезать всю лавку, — ответил отец. — А после неё и стол.

Александр оглядел стол, потом снова щепку, будто всё ещё примерял отцовский ответ к увиденному, но Мария уже позвала его разносить кружки.

Старый учитель пришёл, опираясь на палку. Корзину нёс Александр. На полотенце проступило маленькое жирное пятно, но пироги остались целы.

— Я хотел сам донести, — объяснил мальчик матери, — а у него нога разболелась.

Учитель снял шляпу.

— Нога у меня болит давно. Просто он решил, что пирогам надёжнее идти со мной.

Александр покраснел и унёс корзину к столу.

К полудню под навесом стало тесно. Кто не поместился за столом, устраивался на ступенях, на брёвнах у сарая, на перевёрнутых ящиках. От чугунка, горячего хлеба и нагретых досок шёл густой летний запах. Дети ели стоя и исчезали, едва успев проглотить последний кусок.

Кружки Александр нёс по две, прижимая ручки большими пальцами. Первую пару поставил перед соседями, вторую отнёс женщинам у печи. На третьем пути его окликнули сразу с двух сторон. Он повернул голову, задел локтем столб навеса и расплескал квас себе на рукав.

Мария молча протянула ему тряпку. Александр вытер кружки, липкий рукав и тёмное пятно на досках, снова наполнил одну кружку и отнёс тому, кому не хватило. После этого стал обходить стол снаружи, где никто не толкался.

Адольф ходил вдоль стола, подливал квас, приносил хлеб, пока Мария не поймала его за рукав.

— Сядь уже. Люди и без тебя миску с ложкой найдут.

— Я только хлеб принесу.

— Уже принёс.

Она усадила его рядом с собой и поставила перед ним тарелку. Адольф оглядел стол, убедился, что всем хватило, и наконец взял ложку.

Разговоры шли сразу в нескольких местах, перебивая друг друга вместе со звоном ложек и кружек. Обсуждали воду в реке, цену муки, новую крышу на школьном доме. Леман жаловался на кобылу, которая научилась открывать загон мордой. Старый Вагнер доказывал, что лошадь не может быть умнее хозяина, но никто его не поддержал.

Александр сначала сидел вместе с детьми. Потом перебрался ближе к мужчинам, говорившим о заводской водяной машине. Один из них чертил пальцем по столу: колесо, вал, длинную тягу. Мальчик привстал, чтобы лучше видеть, и нечаянно толкнул кружку. Адольф успел подхватить её у края.

— Сядь нормально.

— Я не вижу.

— Тогда спроси, можно ли подойти.

Александр посмотрел на рассказчика.

— Можно?

— Иди сюда. Только стол больше не двигай.

Мужчина освободил место и начертил схему заново уже на куске бересты. Александр следил за его пальцем, потом попросил уголь и повторил рисунок рядом. Колесо получилось кривым, зато тягу он провёл именно туда, куда нужно.

— А зимой, когда вода встанет? — спросил он.

Мужчина объяснил, что канал перед морозами очищают, а возле колеса колют лёд. Александр хотел узнать, кто приходит первым утром и сколько времени нужно, чтобы пустить машину. В разговор вмешался кочегар, потом Леман, и вскоре все трое уже спорили, что остановит завод быстрее — лёд, плохой уголь или человек, который вовремя не смазал подшипник.

Александр слушал, забыв про еду. Мария придвинула к нему тарелку и постучала пальцем по краю. Он начал есть, не сводя глаз с бересты.

Учитель с другого конца стола несколько раз поглядывал на него, ничего не говоря.

После еды мужчины перешли в тень у сарая. Женщины убрали посуду и перемывали миски у колодца; вода плескалась в тазах, мокрые миски коротко звякали одна о другую. Жара стала густой; над столом вертелись мухи, листья на берёзах почти не двигались.

Александр подкрался к отцу.

— Можно к реке? Пётр пойдёт.

— А Пётр об этом знает?

— Сейчас скажу.

— Сначала скажи ему. А к реке сегодня нельзя.

— Тогда на завод.

Леман, лежавший в траве, приоткрыл один глаз.

— Смотри-ка, другое место нашёл. Ещё лучше.

— На завод тоже нельзя, — сказал Адольф. — Возьми у матери кувшин, отнеси старикам под берёзы. Потом играй во дворе.

На этот раз Александр спорить не стал. Он принёс кувшин, налил квас Вагнеру и учителю, выслушал две разные просьбы передать одно и то же блюдо и вернулся к мальчишкам.

Через несколько минут во дворе уже строили крепость из оставшихся досок. Александр распоряжался, куда положить длинную жердь, но сам взялся за самый тяжёлый конец. Когда жердь съехала, он отпрыгнул и рассмеялся вместе со всеми.

Строительство закончилось, когда один из малышей забрался внутрь и отказался выходить. Его уговаривали, обещали назначить главным, потом начали разбирать стену. Малыш вышел сам, обиженный тем, что крепость ломают без его разрешения. Александр вернул две доски к сараю, остальные велел сложить у забора и только после этого заметил учителя.

Учитель проводил его взглядом.

— Осенью приводите ко мне.

Адольф, сидевший рядом, повернул голову.

— Ему девять.

— Помню. Пусть приходит два раза в неделю. Сначала посмотрю, что знает.

— Он ведь на месте долго не сидит.

— За столом я видел. Когда ему интересно — сидит. И слушает внимательно.

Адольф посмотрел на сына. Александр снова выводил что-то углём на доске, не замечая, как двое мальчишек спорят у него за спиной.

— С Марией поговорю.

Учитель кивнул и больше к этому не возвращался.

К вечеру жара спала. Тени от берёз легли поперёк двора. Дети притихли, взрослые заговорили медленнее. Леман вспоминал первую зиму после приезда, когда сырые дрова дымили сильнее, чем горели. Учитель рассказал, как в школе вместо парт стояли доски на козлах, а чернила разводили из сажи.

Старый Вагнер вспомнил, как однажды в мороз примерзла к колодезному вороту цепь и воду носили от реки. Его поправили сразу трое: не цепь примерзла, а ведро, и случилось это весной, когда река уже вскрылась. Вагнер сердился, но рассказ продолжал, понемногу соглашаясь с каждой поправкой.

Никто не называл те годы хорошими. Просто теперь можно было сидеть в просторном дворе, пить чай и смеяться над тем, что когда-то было вовсе не смешно.

Александр пристроился возле отца. Он уже клевал носом, но уходить в дом отказывался.

— Правда, что раньше здесь волки ходили? — спросил он.

— В лесу ходили. И сейчас ходят.

— А на улице?

— И там бывают, наверное.

Мальчик посмотрел за ворота, будто ожидал увидеть волка между домами. Мария поставила перед ним кружку молока.

— Допивай и пойдёшь спать.

— Я ещё не хочу спать.

Он выпил половину, поставил кружку и через несколько минут заснул, привалившись к плечу отца.

Гости начали расходиться. Адольф проводил учителя до калитки. Старик опёрся на его руку и, уже выходя, напомнил:

— Про Александра не забудьте.

— Поговорим.

— И до осени ждать нечего. Пусть на будущей неделе придёт.

Адольф обещал.

Во дворе Мария снимала со стола скатерть. Адольф отнёс спящего сына в дом, вернулся и взялся за другой край. Они вытряхнули крошки и начали складывать ткань. С первого раза углы опять не сошлись.

— Учитель зовёт Александра, — сказал Адольф.

Мария поправила свой край.

— Когда?

— На будущей неделе. Сначала два раза сходит, там учитель посмотрит.

— Рубаха у него есть. Нужны грифель и тетрадь.

— Значит, пойдёт к нему?

Она удивлённо взглянула на мужа.

— А зачем же ты тогда меня спрашиваешь?

Они сложили скатерть и убрали со двора последние кружки. В доме Александр спал поперёк кровати, так и не высвободив ногу из одной штанины. Мария раздела его, укрыла и положила на сундук чистую рубаху — чтобы утром не забыть проверить рукава.

На столе возле окна остался кусок бересты с кривым колесом. Адольф хотел выбросить его вместе с крошками, но Мария забрала бересту и положила рядом с рубахой.

Адольф погасил лампу на крыльце. В темноте пахло остывшими углями, хлебом и нагретыми за день досками нового дома.

Глава пятая

Александр проснулся от шороха точильного камня. Отец сидел во дворе на низкой скамье и правил косу. Было ещё прохладно; над огородами висел туман, а трава у крыльца сразу намочила мальчику босые ноги.

— Сегодня сенокос?

Адольф провёл камнем по лезвию ещё раз и посмотрел вдоль кромки.

— Сегодня.

— Я тоже пойду.

— Обуйся сначала.

Александр другого согласия и не требовалось. Он бросился в дом и через минуту вернулся в сапогах, с застёгнутым поясом и старой шляпой Карла, сползавшей на уши.

Мария сняла с него шляпу.

— Эту оставь. До первого куста дойдёшь — и потеряешь.

Она дала ему лёгкую полотняную шапку, сунула в телегу узелок с едой и проверила, закрыт ли бочонок с водой.

К лугу ехали несколькими телегами. Косы лежали вдоль бортов, зубья грабель торчали над головами. Колёса поскрипывали в сухих колеях. Женщины переговаривались о погоде, мужчины курили. Александр сидел возле отца и изо всех сил старался не показать, как ему хочется прыгнуть первым.

На месте взрослые сразу разошлись по делу. Косцы проверяли лезвия, женщины разбирали грабли, подростки снимали с телег верёвки и вилы. В высокой траве ещё держалась роса; она холодила сапоги, хотя солнце уже поднялось над лесом.

Луг тянулся до самой излучины. У ближнего края трава была мягкой, с клевером и ромашкой, дальше поднималась почти по пояс. Старики спорили, откуда начинать: один показывал на низину, другой боялся, что там ещё сыро. Пока спорили, Адольф прошёл по траве, попробовал землю сапогом и встал в первый ряд косцов. Остальные разошлись за ним.

Александр подошёл к отцу.

— Дай и мне работу. Настоящую.

Адольф оглянулся на телегу. Гнедая кобыла щипала траву у колеса.

— Будешь смотреть за водой и за лошадьё. Бочонок держи в тени, кружку не бросай где попало. Кобылу привяжи к берёзе, только не за тонкую ветку.

— Я умею привязывать.

— Вот и хорошо.

Адольф передал ему повод и ушёл к косцам.

Сначала дело показалось слишком простым. Александр отвёл кобылу к краю луга, выбрал берёзу потолще и дважды обернул повод вокруг ствола. Бочонок они с Павлом придвинули к заднему борту телеги. Александр открыл крышку, наполнил кружку и понёс вдоль первого прокоса.

Бочонок был почти ему по пояс. Чтобы зачерпнуть воду, приходилось вставать на колени и придерживать крышку локтем. В первый раз кружка ушла в воду целиком, и Александр долго шарил за ней рукой. Павел всё видел, но старательно возился с верёвками.

Мужчины пили по очереди. Один облил водой затылок, другой попросил принести ещё через час. Никто не называл Александра маленьким и не спрашивал, не тяжело ли ему. Это ему понравилось.

На второй полосе его уже окликали по имени. Александр шёл вдоль валка, неся кружку обеими руками, чтобы не расплескать. Возле старика Еремея остановился сам: тот выпрямился, опёрся на косу и ждал, пока перестанет кружиться голова.

— Много не пей сразу, — сказал кто-то из косцов.

Еремей сделал несколько глотков, смочил ладонь и провёл по лицу. Кружку вернул почти полной.

— Остальным оставил, — сказал он Александру, хотя тот ни о чём не спрашивал.

Косы шли одна за другой. Трава с мягким шорохом ложилась длинными полосами, пахла остро и сладко. За косцами двигались женщины с граблями. Время от времени кто-нибудь окликал соседа, просил подать верёвку или поправить валок. Голоса мешались с шелестом травы и коротким звоном лезвий.

Александр несколько раз носил воду, потом сел возле кобылы. Та стояла смирно, отгоняя хвостом мух. Узел на берёзе держался. Мальчик потрогал его и решил, что завязал даже крепче, чем показал бы отец.

На дальнем конце луга подростки начали собирать первый стог. Один стоял наверху и принимал сено на вилы, двое подавали снизу. Работа у них не ладилась: верхушка съезжала, сено осыпалось, все трое кричали друг на друга и смеялись.

Александр подошёл ближе. Ему дали вилы и велели подгрести рассыпавшееся сено. Он взялся охотно. Потом наверху запели — сначала один голос, за ним второй. Песня пошла над полем, и с дальних полос ей ответили женщины.

Александр вспомнил о кобыле, когда услышал скрип колеса.

Она отошла от берёзы и тянула телегу к молодой траве у канавы. Повод волочился по земле. Колесо попало в выбоину, телегу накренило. Бочонок, который после последней воды поставили у борта, опрокинулся, крышка слетела. Вода быстро уходила в сухую землю.

Александр бросил вилы и побежал. Кобыла, увидев его, пошла быстрее. Он схватился за повод, поскользнулся на траве, но удержался. Лошадь остановилась только у кустов и недовольно дёрнула головой.

— Стой же. Стой.

Он отвёл её обратно, обмотал повод вокруг берёзы и затянул первый попавшийся узел. Потом поднял бочонок. На дне плескалось совсем немного.

Косцы были далеко и случившегося пока не заметили. Александр поставил крышку на место, попытался вытолкнуть колесо из выбоины. Телега качнулась, но колесо осталось в земле.

Он налёг плечом сильнее. Ничего. Тогда принёс камень и начал подсовывать его под обод. Камень выскочил, прижав ему палец. Александр сел в траву, сунул ушибленную руку в рот и оглянулся на работающих.

Скоро люди снова придут за водой.

Он подошёл к отцу. Адольф как раз остановился поправить косу.

— Вода вылилась.

— Вся?

— Почти. Лошадь ушла. Я её плохо привязал.

Адольф положил косу на землю.

— Где она?

— Уже у берёзы. Телега колесом села.

Они пошли к краю луга. Адольф проверил лошадь, снял повод и протянул сыну.

— Привяжи заново.

Александр сделал петлю. Отец молча подождал. Мальчик вспомнил, как тот вязал дома, распустил узел и затянул другой — ниже, вокруг ствола, оставив короткий конец.

Адольф дёрнул повод.

— Теперь держит. Бери оглоблю.

Вдвоём они вытащили колесо. Потом Адольф закрепил бочонок на телеге верёвкой.

— До ключа доедем. Воду наберёшь сам.

Ключ бил под склоном в четверти версты от луга. Александр вёл кобылу за повод, Адольф шёл рядом. О случившемся он больше не спрашивал. У воды они вымыли бочонок, поставили под желоб и ждали, пока тонкая струя наполнит его хотя бы наполовину.

В тени у ключа было прохладно. На мокрых камнях рос мох, вода стекала по желобу с ровным негромким звуком. Кобыла тянулась к ручью, но Адольф велел сначала ослабить подпругу. Александр возился с пряжкой, пока отец придерживал бочонок.

— Я сам хотел всё поправить.

— Я видел камень под колесом.

— А не вышло.

— Колесо тяжёлое.

Адольф закрыл бочонок.

— На обратном пути придерживай. Здесь дорога трясёт.

Когда они вернулись, косцы уже отдыхали. Павел спросил, куда пропала вода. Александр ответил, что кобыла ушла и бочонок опрокинулся. Павел посмотрел на его испачканную рубаху, но смеяться не стал. Он помог снять бочонок, и кружка снова пошла по рукам.

Мария развернула узелок с хлебом, луком и варёными яйцами. Александр сел рядом с родителями. Палец, прижатый камнем, начал ныть только теперь. Мать заметила содранную кожу, обмыла её остатком воды из кружки и обвязала полоской ткани.

— Лошадь цела? — спросила она.

— Цела.

— Тогда ешь.

За время привала никто больше не говорил о происшествии. Косцы обсуждали низину и решали, успеют ли пройти её до вечера. Еремей лежал на спине, прикрыв лицо шляпой. Подростки снова пытались сложить стог и спорили, кому стоять наверху.

После короткого привала работа продолжилась. Солнце стояло высоко. Сено сохло прямо на глазах, под ногами шуршали жёсткие стебли. Александр держался возле телеги. Он носил воду по дальним полосам, возвращал кружку на крышку бочонка и каждый раз проверял узел на берёзе.

Один раз кобыла сильно потянула повод, заметив лошадей у другой телеги. Узел затянулся, но не пополз. Александр успокоил её, расправил сбившуюся гриву и только потом понёс воду дальше.

Песня снова поднялась над лугом. На этот раз Александр слушал её из-под берёзы. Гнедая переступила, потянулась к траве, но повод удержал.

— Не достанешь. Стой уж, — сказал он и подвинул ей охапку сена.

Под вечер косцы шли медленнее. Тени стали длиннее, воздух остыл. Александр отнёс последнюю воду к дальнему стогу. Старик Еремей выпил, вернул кружку и спросил:

— Кобыла на месте?

— На месте.

— Ну и ладно.

Когда начали собираться, Александр сам закрыл бочонок, привязал его к борту и отвёл кобылу от берёзы. Повод пришлось распускать обеими руками: узел за день затянулся крепко. Адольф ждал у телеги и не помогал. Наконец верёвка поддалась.

— Завтра так же завяжешь, — сказал он.

Александр кивнул и забрался в телегу.

Обратно ехали уже в сумерках. Телеги покачивались на выбоинах, лошади сами держали дорогу. Кто-то продолжал песню вполголоса, кто-то дремал сидя.

Александр устроился возле бочонка. Сказал отцу, что вовсе не хочет спать, и почти сразу привалился к мешку с верёвками.

Во двор въехали в темноте. Адольф поднял сына на руки. Александр что-то пробормотал и обхватил его за шею, не просыпаясь.

Мария открыла дверь.

— Набегался?

— Нарботался.

Адольф отнёс мальчика в дом, снял с него сапоги и уложил на кровать. От рубахи и волос пахло солнцем, лошадью и свежим сеном.

Глава шестая

Сибирь. Зима 1882/83 года.

Мороз ударил ночью. К рассвету снег под сапогами уже не проминался, а отзывался коротким сухим скрипом. Над крышами стоял прямой сизый дым; в безветрии далеко разносились лай собак и удары топора.

Адольф вышел во двор ещё затемно. Накормил лошадь, вынес сбрую и принялся запрягать. Мария появилась на крыльце в полушубке, наброшенном поверх домашнего платья.

— Александра возмёшь?

Адольф подтянул ремень и проверил пряжку.

— Возьму.

— Только смотреть?

— Ружьё ему пока рано.

Будить мальчика не пришлось. Он уже сидел на печи одетый. Валенки оказались перепутаны, полушубок застёгнут криво, шапка съехала на глаза.

Мария поставила его на пол, переобула и застегнула верхнюю пуговицу полушубка.

— От отца не отходи. Скажет остановиться — стой.

— Я знаю.

— Вот и проверим.

Адольф взял ружьё и мешок с едой. Александр первым выскочил во двор.

Сани шли легко. Деревня быстро скрылась за поворотом, впереди потянулся белый лес. Иней лежал на каждой ветке. Когда солнце поднялось над соснами, снег вспыхнул так ярко, что Александр заслонил глаза рукавицей.

У опушки дорогу пересекли лисьи следы. Александр сразу показал на них, но Адольф лишь придержал лошадь, давая сыну рассмотреть. Отпечатки шли ровной цепочкой, будто зверь ступал по натянутой нитке. Через несколько шагов след нырнул в кусты и исчез.

Александр несколько раз собирался что-то спросить, но в лесу невольно говорил тише и реже. Даже полозья здесь звучали громче, чем в деревне.

Под высокими соснами Адольф придержал лошадь. Привязал повод к молодой ели, поправил попону и достал мешок.

— Дальше пешком.

У старого пня Адольф присел и показал на снег. Александр увидел цепочку небольших отпечатков.

— Заяц.

— Когда прошёл?

Мальчик наклонился ниже. В лунки уже осыпался лёгкий снег, края потеряли резкость.

— Ночью?

Адольф кивнул.

Они пошли по следу. Сначала отпечатки тянулись почти прямо, потом свернули к ельнику и раздвоились. Александр двинулся по дальней цепочке, но отец коснулся его плеча и показал назад. Под кустом след возвращался к прежней тропе.

Под ветвями лежал рассыпанный снег. Адольф отвёл еловую лапу, пропуская сына. Александр пригнулся поздно, шапку сбило с головы, и за ворот посыпался иней. Он отряхнулся, подобрал шапку и дальше уже следил не только за землёй.

Мальчик долго смотрел на перепутанные лунки.

— Он обратно прыгнул?

— Петлю сделал. Зайцы здесь часто так ходят.

Адольф обошёл кусты широкой дугой. Александр ступал за ним, стараясь попадать в его следы. На открытом месте снег стал глубже; несколько раз мальчик провалился почти до колена, сам выбирался и спешил догнать отца.

Отец шёл медленнее обычного, хотя ни разу не обернулся и не предложил передохнуть. Александр это заметил, но промолчал.

У края молодой осиновой поросли Адольф поднял руку. Александр замер.

Под сосной сидел заяц. На снегу его выдавали лишь тёмные кончики ушей да глаз. До него было шагов сорок, между людьми и зверем стояли тонкие осинки.

Адольф медленно снял ружьё с плеча, поднял ствол и выждал. Заяц прижался к снегу. Ветер качнул верхушки молодняка, одна из веток легла поперёк прицела.

Ружьё опустилось.

Заяц сорвался с места, пересёк просвет и исчез в ельнике.

— Почему не выстрелил? — шёпотом спросил Александр.

— Далековато, и ветки мешают. Дробь рассеется — только подранка сделаем.

Адольф снова надел ремень на плечо и пошёл дальше. Александр оглянулся на пустое место под сосной, потом двинулся за ним.

След зайца вскоре потерялся среди старых отпечатков. Теперь Александр и сам замечал, где снег примят беличьими лапами, где птица сбила иней с ветки, а где из-под коры торчала свежая щепка после дятла. Один раз он принял собачий след за волчий. Адольф положил рядом ладонь в рукавице, и мальчик увидел: отпечаток слишком мал.

У осины снег был истоптан мелкими копытцами. Александр решил, что здесь прошёл олень. Адольф раздвинул ветки и показал на обглоданную кору почти у самой земли.

— Косуля, — сказал он.

Мальчик провёл пальцем по светлой полосе на стволе. Следы уходили в густой кустарник; туда они не пошли.

К полудню они вышли на поляну с огромной сосной посередине. За ней лежал поваленный ствол, почти занесённый снегом. Там и остановились.

Мария завернула хлеб, сало и варёный картофель в старое полотенце. На морозе всё быстро остыло, но Александр ел с аппетитом. Адольф бросил несколько хлебных крошек на снег. С нижней ветки отозвалась синица. Через минуту птиц было уже три; они слетали вниз по очереди и тотчас возвращались в крону.

От горячего чая в маленькой фляге поднимался пар. Александр грел рукавицы о кружку. Снег на валежнике под ними примялся, вокруг остались следы сапог и несколько картофельных очистков; Адольф собрал их обратно в полотенце.

Александр протянул крошку на ладони. Синица приблизилась, но сестра не решилась.

— Долго ждать? — спросил он.

— Может, и долго.

Мальчик подержал руку ещё немного, потом положил крошку на ствол.

Где-то за поляной тяжело треснула ветка. Адольф сразу повернул голову. Александр вскочил, забыв про хлеб.

Между деревьями появился лось. Он шёл медленно, высоко вынимая ноги из снега. Из ноздрей валил пар, на тёмной спине лежал иней. Зверь остановился у молодой осины, потянул к себе ветку и несколькими движениями губ обобрал её.

Адольф положил ладонь сыну на плечо. Александр стоял неподвижно.

Лось пересёк поляну и скрылся в лесу. Ещё некоторое время оттуда доносился хруст веток, потом всё стихло.

— Вот это большой... — выдохнул Александр.

Отец убрал руку с его плеча и начал складывать остатки еды.

Александр хотел пойти туда, где прошёл зверь, но Адольф покачал головой. Они ещё немного постояли, пока лес снова не затих.

— Пора обратно.

Шли другой дорогой. Солнце поднялось выше, с ветвей время от времени осыпались тяжёлые хлопья инея. Александр устал и реже смотрел по сторонам, но, когда Адольф внезапно остановился, сам заметил впереди свежий след копыт.

На спуске к оврагу мальчик поскользнулся и сел в снег. Ружьё Адольф держал на другом плече; свободной рукой помог сыну подняться и сразу отпустил. Александр отряхнул штаны. На следующем крутом месте уже не спешил.

— Тот самый?

— Скорее всего.

Мальчик присел и коснулся края глубокой лунки. Снег ещё не успел осыпаться.

До саней оставалось немного. Лошадь встретила их фырканием и потянулась к хозяину. Адольф проверил упряжь, снял попону и помог Александру устроиться.

— Мы ничего не добыли, — сказал мальчик, когда сани тронулись.

— Не сегодня.

Александр немного подумал и посмотрел на лес, уходивший назад между стволами.

— А лось я всё равно видел.

Адольф поправил вожжи.

— Видел.

Мария услышала сани и вышла на крыльцо. Сначала посмотрела на пустое место за сиденьем, куда обычно клали добычу, потом на сына.

— Замёрз?

— Нет. Мы зайца нашли. Отец стрелять не стал — ветки мешали. А потом лось пришёл. Совсем близко.

Он рассказывал уже в доме, стягивая полушубок. Слова спешили одно за другим: след, петля у ельника, синицы, пар над лосиной спиной. Мария поставила перед ним кружку горячего молока и слушала, пока он наконец не замолчал ради первого глотка.

Адольф вынес во двор мешок, вытряхнул из него снег и вернулся к печи. Александр всё ещё показывал руками, какой высоты был лось. С каждой минутой зверь в его рассказе становился выше, но отец не поправлял.

— Весной опять меня возьмёшь? — спросил Александр.

Адольф повесил ружьё на стену.

— Возьму.

* * *

Внезапное и непонятное путешествие по городу нельзя сказать что утомляло, но встречи с неожиданными людьми и их рассказы, оживавшие как кадры кинофильма, все-таки были чреваты усталостью.

Время вроде бы не бежало, но и не стояло на месте — было уже за полдень, а своих обширных планов на сегодня я не выполнил.

С такими мыслями я оказался на узенькой улочке, зажатой между небольшой крепостной стеной и рядом деревянных домиков, различного возраста и архитектуры. Из-за крепостной стены раздавалась громкая музыка, похожая на джаз, а из деревянных домиков время от времени выходили странно одетые люди, очевидно из ещё одного самодельного коллектива — театра или хора. Сарафаны, шаровары, сапоги, косоворотки — «Со выюном я хожу» можно было ожидать в любой момент.

И вот в этой конфликтующей между собой обстановке, на лавочке чуть поодаль сидел мужчина и курил папиросу. Я, как давно некурящий человек да к тому же живущий в обществе, где, чтобы закурить надо было уже спрятаться примерно так же тщательно, как если б вам приспичило в туалет, был немало удивлен такой открытостью и нахальством.

По мере приближения я понял, что мужчина этот поджидает меня, потому что смотрел он на меня так же нахально, как и курил. И только приблизившись я разглядел, что это офицер царской армии в чине... Ну царских военных чинов я не знаю, но это был точно один из них.

— *День добрый, — сказал он, когда я поравнялся с лавочкой.*

— *Здравия желаю, — ответил я и сам удивился выбранной форме.*

Офицер чуть заметно усмехнулся.

— *Не служили?*

— *Нет. Просто решил соответствовать обстановке.*

— *Похвально. В нашем деле соответствие иногда спасает больше, чем храбрость.*

— *В вашем деле?*

Он поднялся, стряхнул пепел с папиросы и поправил ремень портупеи.

— *В стрелковом.*

Я посмотрел на его погоны, потом на папиросу, потом снова на погоны. Всё это должно было что-то мне сообщить, но сообщало, как обычно, недостаточно.

— *Простите, я не силен в военных чинах.*

— *Это даже к лучшему. Меньше поводов ошибиться.*

Он снял фуражку, будто представлялся не мне одному, а всей улице.

— *Капитан сорок второго Сибирского стрелкового полка Громов. Пётр Андреевич.*

Глава седьмая

Последний экзамен закончился еще до полудня.

Когда дежурный офицер объявил, что испытания завершены, никто не бросился к дверям. Юнкера выходили спокойно, словно каждый старался хоть немного продлить последние часы своей училищной жизни.

Во дворе уже строились младшие курсы. Над плацем раздавались привычные команды:

— *Равняйся!.. Смирно!..*

Александр остановился на крыльце. Четыре года назад от этих команд у него начинало сильнее биться сердце. Теперь он слышал их иначе.

Детство с отцовским двором, школой и первыми уроками осталось далеко позади; четыре училищных года успели стать отдельной жизнью.

— *Александр Адольфович!*

Он обернулся. К нему шел Громов.

— *Ну что, господин будущий прапорщик?*

— *Пока еще юнкер.*

— *Ненадолго.*

Они пошли вдоль казарм. Под окнами зеленели молодые тополя. Когда их посадили, тонкие стволы едва доставали до нижних рам; теперь ветви уже закрывали половину первого этажа.

— *Помнишь, какими они были? — спросил Громов.*

— *Помню.*

— *А мне казалось, здесь вообще ничего не меняется.*

У старой кузницы он задержался и посмотрел на низкую дверь.

— *Вот тут я получил первые трое суток.*

— *За дело.*

— *Разумеется. Тогда, правда, я считал иначе.*

— *Ты подрался со старшим юнкером.*

— *Он первый сказал.*

— *Что?*

Громов нахмурился, пытаясь вспомнить, потом махнул рукой.

— *Уже неважно.*

Младший курс заканчивал строевые занятия. Командир роты медленно шел вдоль шеренги:

— *Левое плечо назад... Подбородок выше...*

Александр сам не заметил, как стал отмечать неровный шаг, плохо пригнанный ремень, запоздалый поворот головы.

— Видишь? — спросил Громов.

— Что?

— Уже не с ними стоишь.

Александр ничего не ответил.

После полудня выпускной курс построили на плацу. Прочли приказ о производстве, затем отслужили короткий благодарственный молебен. Начальник училища, седой генерал, обошел строй и остановился перед выпускниками.

Он говорил недолго. Напомнил, что теперь им будут доверены люди, велел не искать лёгкой службы и не принимать офицерский чин за привилегию.

— Служите честно, господа, — сказал он в заключение. — Остальному жизнь научит сама.

После построения преподаватели пожимали выпускникам руки. Возле фотографа сразу собралась очередь. Он долго рассаживал юнкеров, сердился на тех, кто поворачивал голову, и дважды переставлял Громова с места на место, потому что тот оказывался выше соседа то справа, то слева.

— Не шевелитесь! — наконец приказал фотограф и скрылся под черным покрывалом.

Несколько секунд все смотрели прямо перед собой.

Потом вспыхнул магний, и строй распался.

На следующий день выпускникам начали выдавать предписания. Дежурный офицер вызывал каждого по фамилии. Получив пакет, юнкер отходил к окну, быстро пробежал глазами несколько строк и тут же искал товарищей.

— Шмидт!

Александр подошел к столу, расписался и принял конверт.

— Поздравляю, господин прапорщик.

— Благодарю, ваше благородие.

В коридоре он вскрыл пакет. Название гарнизона ему ничего не говорило.

Усть-Каменск.

Он перечитал еще раз, словно во второй раз место могло оказаться ближе.

— Куда? — спросил Громов.

Александр показал ему бумагу.

— Далеко, — сказал Громов.

— Похоже на то.

— А меня оставили в Иркутской губернии. Матушка решит, что меня вернули домой.

— Вернули?

— По ее меркам. Всего несколько дней дороги.

Они пожали друг другу руки. Сначала как офицеры, потом крепче — как люди, прожившие рядом четыре года.

Через несколько дней поезд уже шел на восток.

Первые сутки Александр почти не отходил от окна. Потом леса, реки и маленькие станции начали сливаться в одну длинную дорогу. На крупных остановках пассажиры снимали с полка вещи, прощались и исчезали на перроне. В вагоне становилось все свободнее.

На шестой день кондуктор открыл дверь купе.

— Господин прапорщик, следующая ваша.

Александр застегнул шинель, взял чемодан и вышел в тамбур.

Станция появилась за поворотом: деревянный вокзал, водокачка, пакгауз и несколько подвод у перрона. Поезд остановился ненадолго. Александр едва успел сойти, как паровоз свистнул и состав снова тронулся.

Через несколько минут за поворотом исчез последний вагон. Сразу стало тихо. Только ветер шевелил сухую траву возле полотна.

У станционного дома сидел пожилой жандарм и пил чай из жестяной кружки. Увидев офицера, он поднялся.

— Господин прапорщик Шмидт?

— Да.

— Предписание позвольте.

Он долго читал бумагу, водя пальцем по строкам.

— До Усть-Каменска еще день пути. Сегодня подвода уже не пойдет.

— Где можно остановиться?

— Здесь. Комната свободна.

Жандарм вернул пакет и посмотрел на небо.

— Только бы ночью дождя не было. Иначе завтра лошадям придется сапоги надевать.

Комната оказалась маленькой: кровать, стол, два стула, потемневшая икона в углу. Под окном стоял кувшин с водой. Александр поставил чемодан у стены, снял шинель и распахнул окно.

Пахло нагретыми шпалами, дымом и сухой травой.

До вечера оставалось несколько часов. Он вышел на улицу. Двое рабочих меняли подгнившую шпалу. Женщина у вокзала продавала пирожки. Мальчишка с ведром носил воду к подводам и получал за каждую кружку по копейке.

У колодца двое мужиков говорили о покосе. Заметив Александра, оба сняли картузы. Он ответил поклоном и пошел дальше, еще не привыкнув к тому, что люди прежде всего замечают его погоны.

На рассвете в дверь постучали.

— Господин прапорщик. Подвода готова.

У крыльца стояла крепкая телега, запряженная парой невысоких лошадей. Возница, бородатый мужик лет сорока, укладывал чемодан.

— Доброго утра, ваше благородие. К вечеру, Бог даст, будем на месте.

Сначала дорога шла вдоль реки, потом свернула в лес. Сосны стояли так тесно, что солнечный свет лишь местами доходил до земли. Телега мерно поскрипывала, лошади шли ровно, не сбиваясь на подъемах.

Возница поглядывал на Александра через плечо.

— Первая служба?

— Первая.

— В наших местах?

— Впервые.

— Ничего. Осмотритесь.

Некоторое время он молчал, потом добавил:

— Кто остается, привыкает быстро.

— А кто не остается?

— Всяко бывает. Одного переводят, другой сам просится. Дорога длинная, а служба еще длиннее.

После этого разговор иссяк. Слышался скрип колес, звон упряжи и редкие птичьи крики в кронах.

После полудня лес расступился. Перед ними открылась широкая долина. Внизу блестела река. На противоположном берегу виднелись крыши домов, длинные казармы и деревянная церковь с потемневшим куполом. Над флагштоком лениво шевелилось знамя.

— Усть-Каменск, — сказал возница.

Дорога спускалась к переправе.

Паром был устроен просто: настил на двух широких лодках и толстый канат, протянутый от берега к берегу. Двое паромщиков, упираясь ногами в мокрые доски, подтягивали его к сходням.

— Сейчас подойдет, — сказал возница и придержал лошадей.

Паром мягко ударился о сваи. Старший паромщик бросил сходни.

— Заезжай!

Лошади осторожно ступили на настил. Доски заскрипели под копытами, вода плеснула между лодками.

Когда паром отошел от берега, Александр подошел к краю. Река была широкой и спокойной. У носа медленно закручивались небольшие водовороты.

— Весной бывает хуже, — сказал паромщик. — Вода поднимется — по несколько дней стоим.

— Другой переправы нет?

— Мост далеко.

Возница усмехнулся:

— Новые господа офицеры сперва сердятся.

— А потом? — спросил Александр.

— Потом знают: сердись не сердись, быстрее не будет.

Паромщик навалился на канат. Через несколько минут настил коснулся противоположного берега.

Телега поднялась от реки и остановилась у ворот гарнизона. Часовой вытянулся, приклад винтовки стукнул о землю.

— Смирно!

— Прапорщик Шмидт прибыл к месту службы.

Солдат распахнул калитку.

— Штаб прямо, ваше благородие.

Плац был почти пуст. Возле дальней казармы чинили крышу сарая, из кузницы доносились удары молота, у конюшни унтер-офицер показывал рекрутам, как затягивать подпругу. На нового офицера поглядывали, но никто не прекращал работу.

Александр поднялся на крыльцо штаба и постучал.

— Войдите.

За широким столом сидел сухощавый капитан с густыми седыми усами. Он снял очки, принял предписание и внимательно его прочел.

— Из училища недавно?

— Неделю назад выпущен.

— Дорога как?

— Благополучно.

Капитан кивнул и указал на стул.

— Садитесь. Вторая рота сейчас без командира: поручик Воронов объезжает заставы. Вернется через два дня. Пока будете при штабе, осмотритесь.

— Слушаюсь, господин капитан.

Капитан снова надел очки, но сразу снял их.

— В училище вас учили по уставу. Здесь тоже служат по уставу. Только сначала осмотритесь, потом распоряжайтесь.

Он позвонил в маленький колокольчик.

Почти сразу вошел пожилой фельдфебель — невысокий, широкоплечий, с густыми усами, уже тронутыми сединой.

— Звали, господин капитан?

— Звал. Господин прапорщик Шмидт, назначен во вторую роту. Покажите ему гарнизон и разместите в офицерском бараке.

Фельдфебель повернулся к Александру.

— Савельев, ваше благородие.

Он произнес это спокойно, без подобострастия.

На крыльце Савельев первым делом спросил:

— Чемодан где?

— У ворот.

Он подозвал пробежавшего солдата.

— Егоров! Чемодан господина прапорщика — в офицерский барак. Смотри не урони.

Солдат подхватил чемодан обеими руками и пошел вперед.

Савельев повел Александра через плац.

— Здесь первая казарма, дальше вторая. Кухня за ней. Лазарет возле церкви. Баня по субботам, если печь не закапризничает. Конюшни за сараями.

Возле кухни двое солдат кололи дрова. Увидев офицера, они выпрямились.

— Здравия желаем, ваше благородие!

Александр ответил. Савельев ничего не сказал, только едва заметно кивнул.

Офицерский барак стоял у края плаца. Комната была невелика, но чиста: кровать, стол, шкаф, умывальник. Из открытого окна тянуло сосновой смолой и хлебом из кухни.

Егоров поставил чемодан у стены.

— Еще что прикажете?

— Ничего. Благодарю.

Солдат замялся, будто не ожидал благодарности, потом козырнул и вышел.

Савельев проверил, есть ли вода в умывальнике, открыл шкаф и провел пальцем по полке.

— Пыль вытерли, — сказал он с удовлетворением. — Значит, знали, что офицер едет.

— Давно знали?

— Третий день. Егоров с утра дважды сюда заглядывал. Первый раз вытер, второй — проверил, не появилась ли снова.

Александр улыбнулся.

Фельдфебель подошел к двери.

— Через полчаса обед. Господа офицеры собираются вместе. Я пришлю Егорова.

— Благодарю, Савельев.

Тот козырнул и вышел.

Александр остался один. С улицы доносились команды, стук молота и голоса у конюшни. На подоконник села муха, немного поползала по стеклу и снова вылетела наружу.

Он открыл чемодан. Сверху лежал новый офицерский мундир, аккуратно сложенный еще в училище. Александр вынул его, расправил на кровати и заметил на рукаве тонкую светлую нитку. Видимо, портной не убрал наметку.

Он нашел ножницы, срезал нитку и только после этого стал переодеваться.

Глава восьмая

После первых недель службы Александр перестал считать дни.

Жизнь гарнизона оказалась совсем не такой, какой представлялась ему еще в училище. В Иркутске говорили о тактике, уставах, маневрах, истории войн. Здесь же каждый день начинался одинаково: подъем, утренний развод, осмотр караулов, строевые занятия, проверка конюшен, рапорты унтер-офицеров, просьбы солдат и бесконечные бумаги, значение которых в училище представлялось весьма приблизительно.

Очень скоро оказалось, что большая часть службы состоит из самых обычных дел: солдат должен быть накормлен, лошадь — не хромать, патроны — лежать на месте, заболевший — вовремя попасть к фельдшеру, а обоз — не потеряться между заставами.

Иногда Александру казалось, что в гарнизоне знают всё. Если у казака захромала лошадь, к вечеру об этом говорил весь двор. Если в соседней деревне медведь задрал корову, капитан узнавал об этом раньше, чем хозяин успевал пожаловаться. Если где-нибудь за десяток верст переселенцы начинали строить новую заимку, через несколько дней в штабе уже лежала записка с числом дворов, фамилиями хозяев и количеством детей.

— Откуда это известно? — однажды не выдержал Александр.

Капитан усмехнулся.

— А вы думаете, в Петербурге знают, у кого здесь захромала лошадь?

Он подошел к окну. На плацу Савельев что-то объяснял молодым солдатам.

— Отсюда и знают. Один заметил, другой записал, третий донёс.

— В наших местах без телеги иной раз больше узнаешь, чем из десятка бумаг.

Постепенно Александр стал замечать, что офицеров знали далеко за пределами гарнизона. Крестьяне снимали шапки не из страха, а просто по привычке. Военные приезжали тогда, когда требовалось решить то, что больше решить было некому: разобрать спор о земле, передать распоряжение, проверить новую заимку, осмотреть дорогу, выслушать жалобу. Иногда они сопровождали священника, иногда — фельдшера, а иногда ехали одни.

Однажды утром капитан, просматривая бумаги, сказал так буднично, словно поручал проверить караул:

— Завтра поедете с фельдшером в Никольскую заимку.

Александр поднял голову.

— Там ночью родился ребенок. Надо осмотреть младенца, записать рождение и доставить сведения для церковной книги.

Капитан, кажется, ожидал удивления.

— Полагаю, в училище вас этому не учили?

— Никак нет.

— И не могли, — сказал он, закрывая папку. — Здесь люди рождаются, умирают, женятся. А сведения сами в книгу не попадут.

Капитан подвинул к себе следующую папку.

— Слушаюсь.

— Вот и хорошо. Завтра на рассвете отправитесь.

Александр вышел из кабинета, всё ещё думая о поручении. Рождение ребёнка меньше всего походило на дело военного ведомства, но утром ехать предстояло именно ему.

Такие поездки случались постоянно. Иногда путь занимал несколько вёрст, иногда приходилось ночевать в дороге; заимки появлялись быстрее, чем их успевали наносить на карты.

Новый двор попадал в ведомости, рождение и смерть — в книги. Иногда Александр приезжал туда, где год назад стояла одна изба, и находил уже три.

На рассвете следующего дня у ворот уже стояла легкая телега. Фельдшер Иван Матвеевич, сухощавый человек лет пятидесяти с аккуратно подстриженной бородкой, проверял содержимое двух кожаных саквояжей.

Увидев Александра, он приветливо кивнул.

— Доброго утра, ваше благородие.

— Доброе утро.

— Дорога неблизкая. Верст двадцать пять.

— Часто приходится ездить?

Фельдшер улыбнулся.

— Если бы только ездить...

Он похлопал по саквояжу.

— Здесь вся моя больница.

Телега мягко покатила со двора. Некоторое время ехали молча. Потом Александр спросил:

— Вы давно здесь служите?

— Двадцать третий год.

— Значит, всех знаете?

— Нет, — фельдшер покачал головой. — Всех знать невозможно. Но почти всех детей я принимал собственными руками.

Он сказал это совершенно спокойно, без малейшего хвастовства, будто говорил о погоде. Помолчав, добавил:

— Забавная штука получается. Сначала человек помещается у меня на ладонях. Потом через двадцать лет приходит в гарнизон новобранцем. Еще лет через десять привозит крестить собственного сына. Жизнь здесь длинная, господин прапорщик. Если никуда не уезжать.

Дорога постепенно уходила в тайгу. Сосны становились выше, воздух пах смолой и нагретой хвоей. Иногда между деревьями мелькали небольшие поляны с одинокими избами. Возле одной женщины полоскали белье, возле другой босоногие мальчишки гнали к речке гусей.

— И сюда часто ездите? — спросил Александр.

Фельдшер посмотрел на него с любопытством.

— Приходится.

Телега свернула с наезженной дороги на едва заметную колею.

— Почти приехали, — сказал фельдшер.

Между соснами показалась просторная поляна. На ней стояли четыре избы, чуть поодаль — амбар, баня и несколько хозяйственных построек. Из трубы крайней избы лениво поднимался дым. Во дворе возился мальчишка лет восьми. Увидев подъехавшую телегу, он бросился к крыльцу.

— Батя! Приехали!

Дверь распахнулась. На пороге появился высокий бородатый мужик. Снял картуз.

— Слава Богу... Думал, не дождемся.

— Дождались, — спокойно ответил фельдшер. — Как хозяйка?

— Спит. Ночь тяжело прошла.

— Ну, это дело привычное.

Фельдшер легко спрыгнул с телеги.

— Показывай.

Он повернулся к Александру.

— Пойдемте, ваше благородие.

В сенях пахло свежими сосновыми досками, хлебом и дымом. Изба была просторной. У дальней стены на широкой кровати лежала молодая женщина, рядом в деревянной люльке тихо посапывал младенец.

Пожилая бабка, очевидно повитуха, перекрестилась при виде вошедших.

— Слава Богу, приехали.

Фельдшер только кивнул. Вымыл руки, неторопливо осмотрел женщину, потом осторожно поднял ребенка. Мальчик недовольно сморщился, но почти сразу снова уснул.

— Крепкий, — улыбнулся фельдшер. — Бог даст, вырастет.

Женщина облегченно вздохнула. Все напряжение последних суток будто сразу исчезло.

Фельдшер дал несколько простых советов, проверил, что в доме есть чистая вода и дрова, еще раз посмотрел на младенца и только потом повернулся к Александру.

— Теперь наша очередь.

Хозяин уже поставил на стол толстую свечу. Александр достал из кожаной сумки папку, походную чернильницу и несколько чистых листов, раскрыл их, макнул перо.

Чернила ложились ровно.

— Имя отца?

— Дементий Федоров.

— Фамилия?

— Дементьев.

— Имя матери?

— Акси́нья Ивановна.

Перо тихо поскрипывало.

— Когда родился младенец?

— Вчера... перед самым рассветом.

— Пол?

— Сын, — хозяин даже удивился вопросу.

Александр невольно улыбнулся.

Записал.

— Имя уже выбрали?

Муж с женой переглянулись.

— Пока нет... Батюшка после крестин скажет, — едва слышно ответила женщина.

Александр кивнул. В графе оставил свободное место, потом перечитал написанное, аккуратно поставил дату, подпись и промокнул чернила.

Листы еще несколько секунд сохли.

Хозяин следил за пером так внимательно, будто от каждой строки что-то зависело.

Хозяин осторожно взял документ обеими руками, словно боялся помять.

— Благодарствуем, ваше благородие...

Они уже собирались уходить, когда хозяин неожиданно остановил фельдшера.

— Иван Матвеевич...

— Что?

— Может... еще взглянете? — Он кивнул в сторону люльки.

Фельдшер усмехнулся.

— Второй раз за четверть часа?

— Для спокойствия...

Он подошел к ребенку, поправил одеяльце и положил ладонь на маленькую грудь. Младенец тихонько сопел.

— Спокойно. Жить будет.

Хозяин облегченно выдохнул. Бабка-повитуха перекрестилась.

— Господи, слава Тебе...

Во дворе хозяин помог уложить саквояжи обратно в телегу, потом вдруг снял картуз.

— Простите, ваше благородие... Можно спросить?

— Спрашивайте.

— А это правда... что теперь про нашего мальчика и в самом Петербурге знать будут?

Александр на секунду растерялся. Фельдшер, услышав вопрос, отвернулся к сбору.

— Не сразу, — сказал Александр. — Сначала сведения попадут в церковную книгу.

Потом куда положено.

Мужик серьезно кивнул.

— Значит... будет человек.

— Разве он и без того не человек?

— Для нас — человек. А теперь и для государства.

Некоторое время никто не говорил. Потом хозяин снова надел картуз.

— Спасибо вам. Счастливого пути.

Телега тронулась. Деревня медленно скрылась за деревьями. Некоторое время оба молчали.

Потом Александр сказал:

— Никогда не думал, что обычная запись может столько значить.

Иван Матвеевич поправил полость на коленях.

— Для вас запись. Для них — сын.

Лошади мерно тянули телегу. Ветер шевелил верхушки сосен.

Глава девятая

Прошло семь лет.

Сначала Александр ещё отмечал годовщины своего приезда в Усть-Каменск, потом перестал. Служба незаметно стала жизнью — не остановкой перед чем-то важным, а самой жизнью, со своим ритмом, заботами и людьми.

Капитан постарел. Волосы поседел окончательно, спина согнулась, но взгляд остался прежним — внимательным, спокойным. Он всё реже выезжал в заимки и всё чаще оставлял это Александру.

— Вы теперь знаете людей лучше меня, — сказал он однажды.

Александр не стал спорить.

За семь лет он объездил всю округу. Знал заимки, семьи, дороги. Помнил, где три года назад родился ребёнок, где прошлой зимой умер старик, где поставили новую баню, где соседи всё ещё спорили из-за межи. Знал, на каком подъёме весной вязнут телеги и у какого хозяина можно без долгих уговоров сменить уставшую лошадь.

Крестьяне встречали его без опаски. Снимали шапки скорее по привычке, чем по обязанности. Звали зайти на чай, просили рассудить спор, иногда спрашивали совета о вещах, к военной службе никакого отношения не имевших.

Александр привык и к этому.

Иван Матвеевич давно перестал быть просто сослуживцем. Они ездили вместе так часто, что иной раз проезжали десяток вёрст молча, а иной — говорили обо всём подряд: о погоде, людях, урожае, о том, кто женился и у кого опять прохудилась крыша.

Однажды, возвращаясь из дальней заимки, фельдшер сказал:

— Вы, ваше благородие, стали здешним.

Александр посмотрел на него.

— Здешним?

— А как же. Уедете — вспоминать будут.

— Как офицера?

Иван Матвеевич усмехнулся.

— Офицеров здесь много бывало. Вас — как человека.

Александр ничего не ответил. Впереди дорога уходила между редкими берёзами, колёса негромко поскрипывали в сухой колее. Слова фельдшера не казались похвалой. Скорее подвели итог тому, чего он сам за собой не заметил.

Дни и в самом деле были похожи один на другой. Утренний развод, караулы, строевые занятия, конюшни, рапорты, бумаги, поездки в заимки. На следующий день многое начиналось заново.

Но одинаковыми эти дни были только издали. В одной роте заболел солдат, на заставе ломалась упряжь, у переселенцев рождался ребёнок, весной разливало дорогу, осенью требовалось успеть с подвозом до первых снегов. За каждой строкой в ведомости стояло дело, которое кто-то должен был сделать вовремя.

Александр больше не ждал от службы минуты, когда начнётся что-то «настоящее». Настоящим давно стало именно это: люди, за которых он отвечал, и порядок, который держался не сам собой.

Летом тысяча девятисотого года в гарнизон приехал курьер.

Александр как раз проверял строевую подготовку молодых солдат. Увидев всадника, остановил занятие.

Курьер спешился, отдал честь и протянул пакет.

— Капитану. Срочное.

— Отдохните. В канцелярии покормят.

Александр взял пакет. На сургуче была печать окружного штаба.

Он отнёс его капитану. Тот читал долго. Потом отложил бумагу, снял очки и потёр переносицу.

— Китай, — сказал он.

Одного слова оказалось достаточно, чтобы привычный день вдруг стал другим.

Капитан снова взглянул в бумагу.

— Восстание. Ихэтуани. Нападения на иностранцев, миссии. Формируют международные силы. Из Сибири, Забайкалья, Приамурья требуют людей.

Он поднял глаза.

— Нам велено выделить офицера и двадцать пять человек. Лучших.

Некоторое время оба молчали. За открытым окном на плацу продолжались занятия; донеслась команда унтер-офицера, потом размеренный топот сапог.

Ещё несколько минут назад Александр сам следил за этим строем и знал, чем будет занят после обеда.

— Вы готовы? — спросил капитан.

Он подумал не об училище и не о том, чего когда-то ждал от военной службы. Перед глазами почему-то возникли знакомые лица: хозяин с дальней заимки, Иван Матвеевич, солдаты, которых он годами видел на разводе.

— Готов.

Капитан кивнул.

— Через неделю выступаете. Сборный пункт — Уссурийск. Дальше получите распоряжения на месте.

Он встал и подошёл к окну.

— Людей выбирайте сами. Только добровольцев. Семейных не торопите. Совсем молодых не берите. Нужны крепкие и надёжные.

Потом обернулся.

— Это уже не учения, Александр Адольфович.

— Понимаю.

Неделя прошла быстрее обычного. Нужно было выбрать людей, проверить оружие и снаряжение, сдать бумаги, распределить то, что оставалось в гарнизоне. Двадцать пять человек согласились идти. Кто-то попрощался с семьёй вечером накануне, кого-то утром провожали у ворот.

Иван Матвеевич тоже пришёл.

Телеги были уже нагружены. Солдаты ждали команды.

— Вернётесь? — спросил фельдшер.

Александр посмотрел на него.

— Не знаю.

Иван Матвеевич кивнул.

— Тогда одно запомните. Там много смертей будет — чужих и своих. Не превращайте людей в число.

Александр помолчал.

— Постараюсь.

— Вот и хорошо.

Они пожали друг другу руки.

Дорога на восток была долгой. Сначала ехали телегами, потом поездом, потом снова телегами. В Иркутске к ним присоединились другие отряды: сибирские стрелки, казаки, артиллеристы. Все двигались в одну сторону.

Никто не кричал «ура» и не размахивал шашками. Люди проверяли ремни, считали ящики, ругались из-за места в вагонах, искали кипяток на станциях. Война приближалась через самые обыкновенные хлопоты.

Потом начали попадаться раненые, возвращавшиеся с передовой. Беженцы — китайцы, русские, европейцы. Сожжённые деревни. Брошенные повозки.

После семи лет, в которых почти вся служба сводилась к тому, чтобы сохранять порядок и чью-то повседневную жизнь, эти следы действовали сильнее, чем рассказы о далёком восстании.

Однажды вечером, когда отряд остановился на ночлег, к Александру подошёл молодой солдат.

— Ваше благородие...

— Что?

— А правда, что там, в Китае, всё горит?

Александр посмотрел на него. Парню было лет девятнадцать. Наверное, впервые так далеко от дома.

— Не знаю, — ответил он. — Скоро увидим.

Солдат кивнул и ушёл к кострам.

Над степью медленно садилось солнце. От лошадей тянуло тёплым потом, возле телег звякала посуда, кто-то негромко ругался из-за сыроватых дров.

На востоке уже шла война.

А здесь пока было тихо.

Александр сидел у колеса телеги и слушал эту тишину, зная, что теперь она ненадолго.

Глава десятая

Поезд шёл уже шестые сутки.

За окнами медленно менялась страна.

Сначала были знакомые сибирские станции — длинные деревянные платформы, телеги у пакгаузов, бабы с молоком и горячими пирогами. Потом станции стали реже. Всё чаще на путях стояли воинские эшелоны. Где-то грузили лошадей, где-то подтягивали артиллерию. Иногда встречные поезда проходили совсем медленно, и солдаты молча смотрели друг на друга через открытые двери теплушек.

К шестому дню разговоры в вагоне стихли.

Первые два дня говорили много. Вспоминали дом, спорили, сколько продлится поход, пытались угадать, что представляет собой Китай.

Александр переходил из вагона в вагон, разговаривал с людьми, проверял, не заболел ли кто, иногда присаживался рядом, но долго нигде не задерживался.

За семь лет службы он привык быть там, где его могли найти.

На одной из больших станций эшелон простоял почти три часа.

Солдаты получили разрешение выйти размяться. Возле соседнего состава стояли моряки. Чуть дальше расположилась казачья сотня. У водокачки толпились офицеры разных частей.

Незнакомый капитан, судя по погонам артиллерист, кивнул Александру.

— Тоже в Китай?

— Похоже.

— Все сейчас туда.

Он закурил.

— Говорят, иностранцев там собралось больше, чем китайцев.

— Кто говорит?

Капитан усмехнулся.

— Да все!

Оба понимали цену таким разговорам. Почти никакую.

Чем дальше на восток уходил поезд, тем чаще навстречу попадались санитарные составы. На дверях вагонов мелом были выведены красные кресты. На коротких остановках санитары торопливо носили носилки.

Иногда удавалось разглядеть бинты. Иногда — только неподвижные сапоги, выглядывавшие из-под серых солдатских шинелей.

Вечером Александр долго стоял на открытой площадке последнего вагона. Поезд медленно втягивался в очередной подъём. Далеко позади таяли огоньки станции. Ветер пах нагретыми шпалами, угольным дымом и чем-то ещё, новым, едва уловимым.

Он подумал, что совсем недавно самым дальним его путешествием была дорога к заимке, где рожала молодая женщина. Тогда казалось, что дальше уже не бывает. Оказалось — бывает.

К Уссурийску подошли ранним утром. Станция уже не вмещала всех. На запасных путях стояли составы с войсками. Между ними непрерывно двигались люди, подводы, обозные лошади. Где-то перекликались команды, лязгали сцепки вагонов, сердито шипели паровозы.

Казалось, сюда стянули половину Сибири.

Пока солдаты выгружали имущество, Александр отправился в штаб сборного пункта.

В длинном деревянном здании было тесно.

Адъютанты переходили из комнаты в комнату с пачками бумаг. Связные входили и выходили почти бегом. За столами, заваленными картами, офицеры быстро ставили подписи, сверяли списки, отдавали распоряжения.

Никто не повышал голоса. Все просто торопились.

Полковник, принимавший прибывающие части, едва взглянул на бумаги.

— Усть-Каменск?

— Так точно.

— Двадцать пять человек?

— Двадцать пять.

Полковник поставил подпись.

— Сегодня отдыхаете. Завтра получите дальнейший маршрут.

Он уже потянулся к следующему пакету, но вдруг поднял глаза.

— Ваши люди обстреляны?

— Нет.

— Это даже лучше.

Александр невольно удивился. Полковник понял.

— Не успели привыкнуть к смерти.

Он сказал это спокойно. Будто говорил о погоде. И снова занялся бумагами.

К вечеру лагерь жил своей жизнью. Костры вспыхивали один за другим. Кто-то чинил сбрую. Кто-то сушил гимнастёрку, выстиранную в речке.

Казаки негромко пели.

Совсем рядом французские офицеры оживлённо спорили, размахивая руками. Чуть дальше слышалась английская речь. На другом конце лагеря японские солдаты короткими командами строили своих людей.

Александр остановился.

Он задержался, прислушиваясь к чужой речи. Под одним небом стояли части нескольких армий, ещё недавно существовавших для него только на страницах учебников.

На следующий день выступили дальше. Железная дорога скоро закончилась. Начались обычные солдатские переходы. Пыль поднималась из-под тысяч сапог и долго висела над дорогой.

Обоз растягивался на вёрсты.

Иногда колонна останавливалась. Впереди что-нибудь ломалось, вязла повозка или пропускали встречные части. Тогда люди молча садились прямо на землю. Разговаривать почти перестали. Экономили силы.

Первую сожжённую деревню они увидели через несколько дней.

От домов остались чёрные трубы. Крыши провалились. У колодца лежало обгоревшее колесо телеги. Больше ничего.

Даже собак не было.

Солдаты шли молча. Никто не рассматривал пепелище. Каждый старался смотреть вперёд. Только молодой стрелок, шагавший рядом с Александром, негромко спросил:

— Наши?

Александр покачал головой.

— Не знаю.

К полудню впереди послышалась команда остановиться. Колонна медленно замерла.

По цепочке передавали:

— Не расходиться.

— Ждать.

Что произошло впереди, никто не знал. Минут через десять Александр получил приказ пройти к начальнику колонны.

Полковник стоял у дороги. Рядом несколько офицеров молча смотрели вниз. Александр подошёл ближе. У обочины лежали трое. По одежде — китайские крестьяне. Старик, молодая женщина, и мальчик. Лет десяти.

Никаких следов боя вокруг не было. Только перевёрнутая телега. Рассыпавшееся зерно. И старая соломенная шляпа, которую ветер медленно катил по дороге.

Полковник не отрывал взгляда от поля.

— Местные нашли утром.

Никто не ответил.

— Кто?

Он пожал плечами.

— Теперь уже всё равно.

Молчание затянулось.

Потом полковник повернулся к Александру.

— Возьмите несколько человек. Похороните.

Работа заняла меньше часа. Земля была сухая. Лопаты входили тяжело.

Все молчали. Даже обычно словоохотливый ефрейтор работал молча.

Когда всё было закончено, молодой стрелок снял фуражку. Остальные сделали то же самое. Никакой команды не было. Так получилось само собой.

Они постояли ещё несколько секунд. Потом снова надели головные уборы и пошли догонять колонну.

До вечера никто почти не разговаривал. Люди устали. Но дело было не в усталости. Каждый был занят своими мыслями.

Александр поймал себя на том, что всё время вспоминает мальчика. Не лицо, лица он почти не запомнил. Запомнились босые ноги. Совсем детские.

Он вспомнил Дементия. Того самого мальчишку, который недавно прибежал к воротам гарнизона с узелком от матери. Тоже примерно такого возраста. И впервые за всю дорогу подумал не о войне. А о том, что здесь она не спрашивает, кто перед ней.

Солдат, женщина, или ребёнок.

Вечером Иван Матвеевич обязательно сказал бы что-нибудь простое.

Наверное: «Что ж... такая служба.»

Или: «Живым помогать легче, чем мёртвых жалеть.»

Но Ивана Матвеевича рядом не было. И Александр неожиданно понял, что впервые за много лет ему не с кем разделить увиденное.

Он долго сидел у костра. Не вслушиваясь в разговоры. Глядя, как огонь медленно превращает поленья в угли.

Завтра они пойдут дальше. И настоящая война, скорее всего, ещё даже не начиналась.

Ночью прошёл дождь, совсем короткий. К утру от него остались только тяжёлые капли на высокой траве да влажная дорога, по которой колонна шла заметно легче, чем вчера. Солнце ещё не поднялось высоко. Воздух казался прозрачным.

Где-то справа куковала кукушка. Эта неожиданная мирная подробность прозвучала почти нелепо.

Солдаты переглянулись. Кто-то негромко сказал:

— Будто дома...

Никто не ответил.

Колонна продолжала идти.

Ближе к полудню навстречу попался обоз, не военный.

Несколько китайских повозок, запряжённых маленькими крепкими лошадками. На возах сидели старики, женщины, дети. Они съехали к самому краю дороги и остановились, пропуская войска.

Лица у всех были одинаково настороженные. Никто не кланялся. Никто не просил помощи. Только смотрели.

Александр поймал взгляд пожилого китайца. Тот медленно приложил ладонь к груди и так же медленно опустил руку.

Не приветствие. Скорее знак того, что он не желает зла. Александр невольно ответил лёгким кивком.

Обоз тронулся дальше. Через несколько минут дорога снова опустела.

— Интересно... — сказал шагавший рядом ефрейтор. — Они нас за своих считают или за чужих?

— Сейчас, наверное, всех за чужих, — ответил Александр.

Ефрейтор задумался.

— Пожалуй...

Больше к этому разговору не возвращались.

К вечеру показались первые укрепления союзников, насыпи, окопы. Несколько орудий, замаскированных свежесрубленными ветками.

Над лагерем висели флаги сразу нескольких государств, русский, японский, французский. Чуть в стороне — английский.

Александр раньше никогда не приходилось видеть столько разных мундиров сразу. Кто-то носил синие кителя. Кто-то — защитные.

Французы разговаривали громко, почти размахивая руками. Японцы двигались быстро и почти бесшумно. Русские, как обычно, первым делом искали, где поставить кухню.

Лагерь и вправду напоминал большую стройку: каждый был занят своим делом, а целого почти никто не видел.

Лишь иногда издалека, где-то впереди, доносился глухой раскат. Похожий на далёкий гром.

Только небо оставалось безоблачным. Один из солдат поднял голову.

— Гроза?

Старший унтер усмехнулся.

— Нет.

Теперь уже никто не спрашивал какая. Все и так поняли.

На рассвете их подняли раньше обычного. Еще было темно. По лагерю без лишнего шума передавали распоряжения. Лошади тихо фыркали у коновязей.

Где-то негромко звякнул котелок, кто-то торопливо допивал остывший чай.

Колонна выступила молча. Теперь дорога шла между невысокими сопками. Иногда открывались широкие долины с желтеющими полями. Иногда путь сужался так, что обоз едва проходил между каменистыми склонами.

С каждым часом становилось заметнее, что здесь уже давно живет война. На дороге попадались разбитые повозки, брошенные ящики, обрывки упряжи.

Иногда — погибшие лошади, которых никто не успел убрать. Люди старались не смотреть. Но взгляд все равно цеплялся.

Ближе к полудню впереди остановилась головная часть колонны.

По цепи передали:

— Не сходить с дороги.

Через несколько минут стало ясно почему. Справа начиналось большое поле гаоляня. Высокие стебли почти скрывали человека. Несколько японских солдат медленно прочесывали его цепью. Русским приказали ждать. Никто не понимал, кого ищут.

Минут через двадцать из зарослей вывели двух китайцев. Оба были совсем молодые. Одежда крестьянская. Один держался спокойно. Второй заметно дрожал.

Их подвели к офицеру-японцу.

Разговор шел быстро. Ни одного слова Александр не понял. Через несколько минут японец коротко кивнул.

Молодых людей отвели в сторону.

Что произошло дальше, колонне видно не было. Но почти сразу прозвучали два выстрела, негромких, будничных.

Японские солдаты вернулись так же спокойно, как уходили. Офицер махнул рукой. Дорога снова открылась.

Колонна тронулась. Некоторое время никто не разговаривал. Потом один из стрелков тихо спросил:

— Партизаны?

— Может быть, — ответил унтер.

— А если нет?

Унтер помолчал.

— Тогда им уже все равно.

Вечером остановились возле небольшой речки. Вода была мутной после недавнего дождя. Люди молча стирали гимнастерки, мыли лица, поили лошадей.

Обычный солдатский вечер. Только разговоров становилось все меньше.

После ужина Александр отошел немного в сторону. Сел на поваленное дерево. Солнце уже коснулось горизонта. Над водой кружились насекомые. Из камышей доносилось кваканье лягушек.

Совсем рядом продолжали убивать друг друга, а здесь квакали лягушки и люди стирали гимнастерки.

Большую часть времени они шли, ждали, ели и спали.

Он вспомнил слова полковника в Уссурийске: «Не успели привыкнуть к смерти». Тогда эта фраза показалась странной. Теперь — перестала.

Глава одиннадцатая

Ночью никто не спал по-настоящему.

Кто-то ворочался на шинели, кто-то вставал покурить, кто-то молча сидел у почти погасшего костра, подбрасывая в него тонкие сухие веточки. Разговоров почти не было.

Перед рассветом лагерь ожил. Без криков. Без суеты. Люди словно заранее знали, что сегодня понадобится каждая лишняя минута. Лошади уже были осёдланы. Обозные проверяли упряжь. Орудия медленно выкатывали ближе к дороге.

Кто-то торопливо допивал чай. Кто-то молча застёгивал ремень, уже в третий раз проверяя, на месте ли патронные сумки.

Александр поднялся ещё затемно.

Воздух был прохладным. За ночь туман лёг в низинах, и казалось, будто сама земля медленно курится белёсым дымом.

Он подошёл к речке. Вода текла неторопливо. Обычная небольшая китайская речка. Таких он за последние недели видел десятки. Но эта почему-то сразу показалась другой.

По противоположному берегу уже двигались люди. Русские сапёры. Они заканчивали наводить понтонную переправу.

Чуть дальше, среди деревьев, угадывались японские цепи.

Над ними лениво покачивался небольшой сигнальный флажок.

— Ваше благородие...

Александр обернулся.

Подбежал унтер.

— Приказано готовиться к переправе.

— Когда?

— Сейчас.

Унтер сказал это буднично.

Александр молча кивнул.

Через несколько минут колонна уже двигалась к берегу. Дорога постепенно заполнялась войсками. Впереди переправлялась пехота. За ней ожидала очередь артиллерии. Где-то слева нетерпеливо ржали лошади.

Понтон под ногами слегка покачивался. Вода негромко плескалась между лодками.

Солдаты шли молча. Каждый невольно смотрел не вперёд, а на противоположный берег. Словно именно там начиналась неизвестность.

Первые подразделения уже сошли на землю.

Всё было удивительно спокойно. Настолько спокойно, что Александру вдруг стало неловко за собственное напряжение. «Неужели опять всё обойдётся?..»

Он не успел закончить мысль. Где-то далеко впереди сухо хлопнул одиночный выстрел. Почти сразу второй. Потом короткая очередь.

И снова тишина.

Колонна не остановилась. Только люди как будто разом подобрались.

Через несколько секунд где-то справа над деревьями появился тонкий серый дымок.

Кто-то негромко сказал:

— Началось...

До гребня ещё ничего не было видно, только оттуда время от времени доносились выстрелы.

Колонна продолжала двигаться. Теперь уже медленнее.

Впереди дорога поднималась на невысокий гребень, за которым скрывалась долина. Именно оттуда время от времени доносились выстрелы. Они были редкими. Не похожими на

тот непрерывный грохот, который Александр много раз представлял себе по рассказам ветеранов.

Один. Пауза. Потом ещё два.

Где-то слева коротко ударил пулемёт. Замолчал.

Снова наступила тишина. Она казалась страшнее самих выстрелов.

На гребне стоял русский штабс-капитан с полевым биноклем. Рядом — японский офицер. Оба молча смотрели вниз.

Когда подошёл Александр, штабс-капитан лишь коротко сказал:

— Не задерживайте людей. Вниз и вправо.

— Что там?

— Сейчас сами увидите.

...

За гребнем открылась широкая долина. Небольшая деревня. Глиняные дома. Низкие заборы. Плодовые деревья.

И почти сразу — движение. Из-за крайней фанзы выскочили несколько китайцев. Не строем. Не в мундирах. В длинных тёмных одеждах.

Кто-то с винтовкой, кто-то с копьём. Один размахивал большим мечом. Они перебежали от дома к дому, скрываясь за стенами.

Пули начали посвистывать над дорогой. Ещё не прицельно. Пока наугад. Но теперь война перестала быть далёким звуком. Она подошла совсем близко.

— В цепь!

Команда прозвучала резко. Солдаты привычно начали расходиться. Кто-то споткнулся. Кто-то торопливо передёрнул затвор. Кто-то перекрестился.

Страх никуда не исчез, но ожидание кончилось.

Теперь был приказ, и его надо было выполнять.

Он успел сделать всего несколько шагов. Совсем рядом ударила пуля. Не в человека. В сухой ком земли. Земля брызнула в лицо.

Кто-то крикнул:

— Ложись!

Он упал почти одновременно со всеми. И почти сразу услышал совсем другой звук. Не далёкий хлопок. Не раскат. А короткое, злое:

ф-фить...

Пуля прошла где-то совсем рядом с головой.

Александр прижал щеку к земле.

Он ещё не успел додумать эту мысль, когда впереди вскрикнул молодой стрелок — тот самый, который несколько дней назад спрашивал возле сожжённой деревни:

— Наши?

Парень схватился за плечо и тяжело сел на землю.

— Санитара!

Крик раздался сразу с нескольких сторон. Александр уже полз к нему. Не думая и не рассуждая.

Александр почти машинально добрался до стрелка. Парень лежал на боку, крепко прижимая ладонь к плечу. Между пальцами быстро проступала кровь. Глаза были широко раскрыты.

— Ваше благородие...

— Тихо.

Александр осторожно отвёл руку. Пуля прошла навывлет. Кость, кажется, была цела. Повезло.

— перевязочный пакет!

Солдат справа уже протягивал свёрток. Александр быстро разорвал оболочку зубами. Руки двигались сами.

Он уже почти закончил перевязку, когда рядом тяжело ударило что-то большое. Ком земли осыпал обоих. Следом донёсся густой раскат. Совсем не похожий на винтовочный выстрел. Артиллерия.

— Ложись!

Но они и так лежали. Через несколько секунд ударил второй снаряд. На этот раз дальше. Японцы уже отвечали. Теперь вся долина ожила сразу. Где-то трещали винтовки. Короткими очередями отзывались пулемёты.

Над крышами фанз поднимался дым. Кричали люди. Ржали перепуганные лошади.

Но всё это почему-то не складывалось в единый шум. Человеческое ухо выхватывало отдельные звуки.

Вот кто-то зовёт санитаров.

Вот унтер кричит:

— Не кучковаться!

Вот совсем рядом тяжело дышит лежащий стрелок. Остальное будто переставало существовать.

— Сможешь идти?

Парень кивнул. Лицо его стало серым.

— Смогу...

— Не геройствуй. Ползком — вон туда.

Он показал на небольшую ложбину, где уже собирались раненные. Два санитаров перебежали от человека к человеку, почти не пригибаясь. Казалось, пули их не замечают. Александр ещё секунду смотрел вслед стрелку. И только теперь вспомнил, что сам лежит почти на открытом месте.

Он осторожно поднял голову.

Деревня была уже совсем рядом. Несколько русских цепей продвигались вперёд короткими перебежками. Японцы успели зайти левее. Их почти не было видно. Только иногда среди деревьев мелькали тёмные фигуры.

Китайцы стреляли редко. Зато каждый раз — из нового места.

— Хитро... — пробормотал кто-то рядом.

Перед ним был только небольшой клочок поля, несколько фигур среди деревьев и люди, ожидавшие команды.

Его вдруг кольнула мысль:

Если сейчас убьют меня, мои люди останутся без офицера.

После этого он уже не поднимал головы без нужды.

Он глубоко вдохнул.

— Вперёд!

И первым поднялся для следующей перебежки. Александр успел сделать всего несколько шагов. Слева кто-то резко махнул рукой.

— Ложись!

Он снова рухнул на землю. Почти одновременно над самой головой прошла длинная очередь. Не одна пуля. Десятки.

Стебли гаоляна впереди словно кто-то невидимый косил огромной косой. Земля непрерывно вздрагивала от ударов.

— Пулемёт...

Голос унтера прозвучал почти буднично.

Теперь двигаться было невозможно. Любой, кто поднимался хотя бы на мгновение, сразу попадал под огонь. Люди лежали, вжимаясь в землю. Минуту. Другую. Третью. Время перестало существовать. Оно измерялось уже не минутами.

Вдруг справа загрохотало русское орудие. Потом второе.

Через несколько секунд над деревней вспухли два грязно-серых облака.

Пулемёт замолчал.

— Сейчас!

Цепь словно только этого и ждала. Люди одновременно вскочили и бросились вперёд. Пятьдесят шагов, может, меньше. Потом снова на землю.

Александр уже почти не замечал усталости. Работало только тело. Подняться. Бежать. Упасть. Осмотреться. Снова вперёд.

Неожиданно впереди показался молодой подпоручик. Совсем мальчишка. Лицо белое от пыли. Фуражки нет.

Он стоял во весь рост и отчаянно махал шашкой.

— За мной!

В этот же миг его словно кто-то толкнул в грудь. Он остановился. Удивлённо посмотрел вниз. Шашка выпала из руки. Подпоручик медленно осел на колени и повалился лицом вперёд. Всё произошло совершенно беззвучно. Никто даже не успел крикнуть.

Александр смотрел на это не больше секунды. Потом рядом тяжело выругался унтер.

— Не стоять!

И словно стряхнул с него оцепенение. Цепь уже обходила место, где лежал офицер. Никто не мог остановиться. Не потому, что не хотел. Потому что тогда рядом легли бы ещё двое или трое.

До первых домов оставалось меньше сотни шагов. Стрельба неожиданно стала слабее. Из фанз уже выбегали японские солдаты. Несколько китайцев пытались отойти через огороды. Один бросил винтовку и перепрыгнул через плетень. Другой успел скрыться за глинобитной стеной. Третий, совсем молодой, замер посреди двора, словно не понимая, куда бежать. Через мгновение его кто-то грубо потащил за руку.

И оба исчезли между строениями.

— Осторожно!

— Не заходить по одному!

— Проверять каждый двор!

Теперь бой распался на десятки маленьких столкновений. Где-то ещё стреляли. Где-то уже наступала тишина. Где-то плакал ребёнок. Из одной фанзы медленно тянулся дым.

За крайней фанзой сопротивление почти прекратилось. Лишь изредка где-то хлопал одиночный выстрел.

Русские и японцы медленно прочёсывали деревню. Теперь уже никто не бежал. Каждый шаг становился осторожным. Каждая дверь могла оказаться последней.

У одной из глинобитных стен сидел старый китаец. Он не двигался. Руки спокойно лежали на коленях. Лицо оставалось совершенно неподвижным. Мимо пробежали несколько солдат. Никто даже не взглянул на него.

Александр тоже сделал несколько шагов... И вдруг остановился.

Старик был мёртв. Пуля вошла совсем маленьким тёмным пятном возле виска. Наверное, он умер ещё до того, как в деревню вошли союзники. Казалось, он просто присел отдохнуть.

Из соседнего двора донёсся детский плач. Короткий, испуганный. Потом снова. Александр быстро вошёл за плетень. Во дворе царил беспорядок. Перевернутый стол. Разбитая глиняная посуда.

Возле колодца лежала женщина. Живая.

Она тяжело дышала, пытаясь приподняться. Увидев русского офицера, она инстинктивно прикрыла собой маленькую девочку лет пяти. Девочка не плакала. Она смотрела огромными глазами. Испуганно. Не понимая, кто перед ней.

Александр медленно снял фуражку. Потом так же медленно присел на корточки. Он не знал ни одного китайского слова. Она — ни одного русского. Несколько секунд они просто смотрели друг на друга.

Потом Александр осторожно вынул из вещевого мешка флягу. Поставил её на землю. Не протягивая. Не подходя ближе. Женщина ещё секунду колебалась. Потом быстро подтянула флягу к себе. Девочка обеими руками вцепилась матери в рукав.

В этот момент позади окликнули:

— Ваше благородие!

Он обернулся.

Унтер показывал дальше по улице.

— Нашли ещё раненых!

Александр поднялся. Ещё раз посмотрел на женщину. Та уже поила ребёнка водой. Он молча кивнул и вышел со двора.

На улице санитарный взвод укладывал на носилки сразу троих. Русских. Один тихо стонал. Второй был без сознания. Третий лежал неподвижно.

Иван Матвеевич когда-то говорил:

— Пока человек стонет — это хороший признак. Значит, живёт.

Александр наклонился к раненому.

— Куда?

— В живот... Ваше благородие...

Он осторожно разрезал гимнастёрку. Посмотрел. Поднял глаза на санитаров. И медленно покачал головой. Санитар понял без слов. Носилки понесли дальше.

Александр ещё несколько секунд смотрел им вслед. Потом впервые за весь день почувствовал не страх. Усталость. Такую, какой не бывает после долгого перехода.

Он прислонился плечом к стене и несколько секунд просто стоял.

К вечеру стрельба совсем стихла. Лишь изредка где-то далеко ухало орудие. Скорее по привычке, чем по необходимости.

Деревня постепенно наполнялась другими звуками.

Скрипели колеса санитарных повозок. Ржали лошади. Кто-то искал своего товарища. Где-то рубили доски для временного перевязочного пункта.

Возле колодца уже стояла очередь. Люди жадно пили воду, умывались, смывая с лица пыль и пороховую копоть.

Александр тоже наклонился к ведру. Вода была прохладной. Он несколько раз плеснул себе в лицо. Поднял голову. И только теперь заметил кровь на рукаве.

Не свою. Того молодого стрелка. За весь день он ни разу не подумал переодеться. Даже не заметил. Он машинально потер ладонью гимнастёрку. Пятно только размазалось.

— Ваше благородие...

Он обернулся.

Подходил ефрейтор.

Тот самый, что ещё вчера рассуждал, считают ли китайцы русских своими или чужими. Теперь лицо его казалось старше. Будто за один день он постарел на несколько лет.

— Нашёлся ваш стрелок.

— Жив?

— Жив. Плечо навывлет. Доктор говорит — повезло.

Александр неожиданно почувствовал облегчение. Совсем небольшое. Но настоящее. За сегодняшний день это была первая добрая новость.

Ефрейтор помолчал. Потом спросил:

— А того офицера...

Он не договорил. Оба понимали, о ком речь.

— Похоронили?

— Пока нет. Завтра.

Они снова замолчали. Наконец ефрейтор негромко сказал:

— Странно всё это...

— Что именно?

— Дома думал: бой — это когда все бегут, кричат... А сегодня...

Он искал слова.

— Сегодня будто каждый был один.

Александр долго не отвечал. Потом медленно произнес:

— Похоже.

Они сидели молча. Солнце уже почти скрылось. По деревне начинали разводить костры. Кто-то принёс котёл с кашей. Люди ели жадно.

И Александр вдруг поймал себя на мысли, которая показалась почти кошмарной. После всего увиденного ему тоже хотелось есть. Очень. Он опустил глаза.

Рядом разливали кашу. Кто-то перевязывал раненого, кто-то чинил сбрую, кто-то уже спал у костра.

* * *

Встреча с капитаном Громовым оставила неизгладимое впечатление!

Мало того, что он рассказал очень много об Александре Шмидте, о его учебе в кадетском училище. Самое потрясающее было то, капитан Громов... погиб в Первую мировую или как раньше говорили в Империалистическую!

Поскольку слушал я его раскрыв рот, дополнительных вопросов не задавал. Но после того как и он растворился в тумане, не желая исчезать, кое-какие мысли стали меня посещать. Например, о том, что люди, попадающиеся мне, а некоторые и желающие со мной побеседовать, были не люди в привычном смысле этого слова. Умершие люди жили в этом городе!

Сначала эта открывшаяся мне истина меня поразила, но больше меня поразило словосочетание "Умершие люди живут"! Представить, что вся умершая часть человечества обитает в одном, не маленьком, но все-таки ограниченном городе я не мог. Поэтому появилась версия, что люди, с которыми я здесь встречаюсь, почему-то имеют отношение к одной и той же истории. Потому как с чего бы один за другим со мной пытались, и успешно, поболтать люди, знавшие друг друга или знавшие тех, о ком они мне рассказывают?

То есть получалось, что останови я любого на улице и начни расспрашивать, выяснилось бы, что с этим человеком я каким-то образом связан!

Я тут же решил проверить эту гипотезу экспериментально. Оглядевшись, наметил жертву - среднего возраста мужчина, одетый явно из начала 20-го века, сидел за столиком в кафе. Перед ним стояла кружка с пивом.

Подойдя к его столику, я не нашел ничего умнее как произнести:

- Хорошая погода сегодня, неправда ли?

Он посмотрел на меня без удивления. Из чего я понял, что здесь такие чудачки - не редкость.

-Действительно погода замечательная, туман все портит. Видимо опять кого-то из любопытствующих в город занесло.

Признаться такой ответ меня опять сбил с толку - я на такое не рассчитывал. Но раз уж взялся, надо было продолжать.

- Скажите, вы не очень будете возражать, если я спрошу ваше имя?

-Отчего же, нынче каждый второй интересуется. Николай Васильевич Жуковский к вашим услугам.

Глава двенадцатая

Сентябрь 1903 года.

Пароход медленно входил в гавань.

Море оказалось совсем не таким, каким Александр представлял его в детстве: не бескрайним и торжественным, а живым, деловитым, пахнущим солью, углем, водорослями и машинным маслом. На рейде покачивались военные корабли, чуть дальше проходил иностранный пароход, а над водой поднимались невысокие бурые сопки.

— Вон он, Артур, — сказал стоявший рядом матрос.

Александр долго всматривался вперед. самого города почти не было видно — только мачты, трубы, портовые краны да белевшие на склонах новые казармы. Казалось, весь берег превратился в одну огромную строительную площадку. Стучали молоты, скрипели лебедки, где-то взрывали скалу. По дорогам непрерывно тянулись повозки с камнем, известью и лесом.

— Давно так строят? — спросил Александр.

— Третий год без остановки. И все равно не успевают.

— Что именно?

— Да все. Форты, батареи, склады, причалы. Тут каждый месяц что-нибудь новое вырастает.

Теперь уже можно было различить людей на пристани: русских солдат и матросов, китайских рабочих в широкополых соломенных шляпах, носильщиков с коромыслами, мастеровых. Лошади тащили тяжелые телеги, паровые краны поднимали из трюмов ящики и металлические конструкции. Все двигалось, все куда-то спешило, и при этом никто не суетился. Создавалось странное ощущение, будто весь город заранее знает свою работу.

На причале Александра встретил штабс-капитан инженерных войск — высокий, сухоощавый, с обветренным лицом человека, который больше времени проводит под открытым небом, чем в кабинете.

— Александр Адольфович? Добро пожаловать в Порт-Артур.

Он пожал ему руку и сразу пошел вперед.

— Багаж доставят. Если будете ждать каждую подводу, состаритесь раньше времени.

Они шли по улице, которая еще недавно, казалось, была простой дорогой между сопками. Справа стояли готовые кирпичные дома, слева плотники поднимали леса. Через дорогу китайцы выкладывали булыжником мостовую, чуть дальше саперы тянули телефонный провод.

— Здесь вчера пустырь был, — совершенно серьезно сказал штабс-капитан. — Через месяц театр откроют.

Александр невольно улыбнулся.

— Не верите? Я тоже не верил. Потом привык. Здесь все строится быстрее, чем успеваешь запомнить.

Они поднялись на небольшой холм. Отсюда открывался весь порт: военные и торговые суда, доки, краны, железнодорожные ветки, белые корпуса новых казарм, красные крыши домов и бесчисленные строительные площадки.

Штабс-капитан снял фуражку и вытер лоб.

— Красиво?

— Очень.

— Все уверены, что строят город лет на сто вперед.

Он сказал это без насмешки, просто как человек, ежедневно наблюдавший эту огромную работу.

Снизу донесся глухой взрыв — где-то в сопке прокладывали новый каземат. Потом застучали молоты, засвистел паровоз, на рейде загудел броненосец. Город жил и спешил стать настоящим.

В последующие дни Александр всё больше убеждался, что Порт-Артур не похож на прежние гарнизоны. Город просыпался с первыми лучами солнца, а после темноты ещё долго слышались молоты, лебёдки, взрывы на сопках и гудки паровозов, подвозивших камень и лес к укреплениям.

Инженеров можно было встретить повсюду: на батареях, в доках, на строительстве дорог, возле портовых кранов. Они спорили, чертили что-то прямо на земле тросточками, измеряли расстояния, ругались с подрядчиками и снова переделывали чертежи. Иногда Александру казалось, что он находится не в крепости, а в огромной мастерской, где одновременно возводят целый город.

На улицах одинаково часто встречались офицеры, чиновники, железнодорожники, мастеровые, китайские рабочие, торговцы и матросы. Даже за ужином в офицерском собрании разговоры неизменно сводились к строительству нового форта, расширению гавани или очередной партии цемента, застрявшей где-то на железной дороге.

О войне почти не говорили. Вернее, говорили так, как говорят о дожде в ясный день.

— Японцы шумят, — заметил однажды пожилой капитан артиллерии, не отрываясь от тарелки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.